

Николай Эрдман

МАНДАТ

Пьеса в трех действиях

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK · 10
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

Николай Эрдман

М А Н Д А Т

Пьеса в трех действиях

1924

Редакция и вступительная статья

В. Казака

1976

München · Verlag Otto Sagner in Kommission

Der russische Text von Nikolaj Robertovič Erdmans Komödie "Mandat" (1924) wird hier aufgrund einer Abschrift aus der Sowjetunion redigiert erstmals vorgelegt. Die bibliographischen Nachforschungen unterstützte Frau Marianne Wiebe, die Herstellung der Druckvorlage besorgte Frau Karin van Ackern, M.A. Beiden sei gedankt.

Als Manuskript vervielfältigt
Alle Rechte vorbehalten
ISBN 3 87690 115 4

Gesamtherstellung Walter Kleikamp · Köln

77 11366

НИКОЛАЙ ЭРДМАН И ЕГО "МАНДАТ"

Пятьдесят лет назад Николай Робертович Эрдман был одним из самых популярных русских драматургов. 20 марта 1926 года в Москве в сотый раз был сыгрен его "Мандат" в постановке Вс. Мейерхольда. Эту пьесу он написал в возрасте 23-х лет. А позже его постигла тяжелая судьба сатирика в Советском Союзе, которая имеет свои параллели в судьбах Булгакова и Зощенко. Его вторая пьеса "Самоубийца" (1928) никогда не была поставлена на его родине, он выступал только как кинодраматург, - причем обычно в качестве соавтора.

Он родился 3/16 ноября 1902 г. в Москве в обрусевшей немецкой семье. Свою работу для театра он начинал вместе с братом Борисом (1899 - 1960), театральным художником-экспериментатором, который в 1919 году вместе с Есениным, Ивневым, Мариенгофом и Шершеневичем подписал Декларацию имажинистов. Временно к имажинистам примкнул и Николай Эрдман. Вместе с ведущими членами этой группы он подписал в 1924 году так называемые "Восемь пунктов" имажинистов.¹ В 1924 году Николай Эрдман написал злободневные интермедии для спектакля Д. Ленского "Лев Гурыч Синичкин" в Московском театре им. Вахтангова, над художественным оформлением которого работал его брат Борис. В том же году он сочинил такие же актуальные сатирические сцены и частушки для первого представления Театра сатиры "Москва с точки зрения".

"Мандат" - первая крупная пьеса Эрдмана. Она была написана для театра Мейерхольда и поставлена им 20 апреля 1925 г. Марк Местечкин передает впечатление о чтении "Мандата" автором: "Я хорошо помню первую встречу труппы с Николаем Робертовичем Эрдманом. Свою комедию он читал с каким-то безразличным лицом, слегка иронизируя, но без всякой улыбки. Когда раздавался очередной взрыв смеха, Николай Робертович оглядывался по сторонам и снова продолжал бесстрастно читать. Слушая его, артисты отчетливо представляли себе героев будущего спектакля. Изображая персонажей пьесы, Эрдман пользовался каким-то особым говорком, очень точно произнося каждое слово".² Оформляя "Мандат", Всеволод Мейерхольд применил концентрические круги (он их называл

"движущимися тротуарами"). Спектакль получил общее и единодушное признание. Луначарский назвал постановку "кульминационным пунктом реалистических достижений левого театра".³ Скоро "Мандат" поставили в Ленинградском академическом театре драмы, а также на сценах многочисленных городов Советского Союза и за границей. Премьера в Берлине состоялась в 1927 году (Renaissance-Theater).

Вторая сатирическая пьеса Эрдмана "Самоубийца", написанная в 1928 году, только репетировалась - и в Театре Мейерхольда и в Московском художественном театре. Постановка ее в 1932 году была запрещена. Время сатирических пьес, - таких, как пьесы Булгакова, Файко или Маяковского - время новых исканий в искусстве и в сценическом воплощении закончилось. После этого Эрдман как самостоятельный драматург больше не выступал. Он был соавтором сценариев для мюзик-холлов, либретто для оперетт "Прекрасная Елена", "Бокаччо", "Нищий студент", "Летучая мышь" (совместно с М. Вольпиным и В. Массом), и киносценариев, например "Дом на Трубной" (1928, совместно с Б. Зорич, А. Мариенгофом, В. Шершеневичем и В. Шкловским), "Посторонняя женщина" (1929, совместно с А. Мариенгофом), "Веселье ребята" (1934, совместно с Г. Александровым и В. Массом). Но и эта его деятельность заканчивается примерно в 1938 году. В это время он был повидимому арестован, по крайней мере отлучен от литературной деятельности и сослан на три года в Енисейск и Томск. Поводом для этого по слухам послужила его третья пьеса "Заседание о смехе", текст которой до сих пор неизвестен. После ссылки Эрдман уже не имел права жить в Москве и поселился в Калинин. Недавно стало известно письмо Булгакова Сталину, в котором тот просил о разрешении Эрдману жить в Москве и заниматься литературной деятельностью.⁴

С 1942 года Эрдман работает опять в области кинодраматургии. Он пишет несколько киносценариев совместно с М. Вольпиным, а один по "Принцу и нищему" Марка Твэна без соавторов (в 1943 году). В 1951 году Эрдман стал даже лауреатом Сталинской премии (вместе с М. Вольпиным и другими за фильм "Смелые люди"). Из его многочисленных сценариев для мультипликационных фильмов появились в печати "Братья Лью".⁵ Год возвращения Эрдмана в

Москву неизвестен; в 1959 году он жил на улице Горького, позже на ул. Чайковского. В атмосфере XX съезда КПСС его "Мандат" был еще раз поставлен в Москве, однако только в Театре-студии киноактера⁶. В это время у Эрдмана была заказана инсценировка повести Достоевского "Село Степанчиково" для Московского "Малого театра" (1957). В 1963 году он написал комедийный сценарий "Каин XVIII" по Е. Шварцу. Совместно с Ю. Любимовым он в 1965 году инсценировал "Герой нашего времени" Лермонтова для Московского театра драмы на Таганке, который стремился возродить традиции двадцатых годов. Николай Робертович Эрдман умер 10 августа 1970 года в Москве.

Своих главных произведений Николай Эрдман в печати никогда не видел. "Самоубийцу" опубликовал Л. Милн (Кембридж) в "Новом журнале" (№№ 112-114) в 1973/74 годах. "Мандат" существует пока только в машинописных копиях и переводах⁷. Даже из его многочисленных сценариев почти ничего не было опубликовано.⁸ Он оставался как бы вне литературной жизни, хотя и был членом Союза писателей СССР. После его смерти отношение к нему несколько улучшилось. Если в 1958 году в "Истории русской советской литературы", допущенной в качестве учебника для вузов, было написано, что "... комедии 'Мандат' Н. Эрдмана, 'Зойкина квартира' М. Булгакова явно преувеличивали роль мещанства, страдали отсутствием ясной идейной перспективы"⁹, а в 1967 году в соответствующем четырехтомнике Академии наук СССР Эрдман вовсе не упоминается¹⁰, то новые издания учебника вузов посвящают Эрдману целый абзац: "Начало нового этапа в развитии советской комедии связано с именами Б. Ромашова и Н. Эрдмана, которые сумели найти емкие по содержанию комедийные коллизии в реальных противоречиях эпохи нэпа. 'Мандат' Н. Эрдмана ... воссоздавал призрачную из-за своей нелепости, комически нереальную жизнь того общественного слоя, который образовали осколки старой царской России. ... Образ Павла Гулячкина, беспринципного приспособленца, желающего 'быть при всяком режиме бессмертным', - большая удача сатирика. ..." ¹¹ Эрдман включается в энциклопедии, о нем и его "Мандате" пишут в воспоминаниях.¹² На западе первый обзор его жизни и творчества написала Marjorie Hoover в 1972 году.¹³

Напечатанный ниже текст "Мандата" проверен по всем доступным материалам, в том числе и по копии Нью Йоркской "Public Library". В этом экземпляре имеется ряд неточностей, большинство которых касается сценических указаний. Например, неправильна ремарка, что на картину с клеем садится Автоном Сигизмундович, так как по ходу дальнейшего действия это должен быть Павел Сергеевич (III, 24 по сравнению с III, 29). Расхождения касаются вообще прежде всего ремарок к началам сцен. Так как рукопись автора пока недоступна, а все известные копии нуждаются в уточнении, текст печатается в том варианте, который лучше всего соответствует ходу действия. Но в некоторых частностях он может оказаться неточным.

Цель этой публикации научная. "Мандат" часто упоминается, но почти никто из специалистов по русской литературе его не читал. Пьеса отражает дух начала двадцатых годов, она сатирически обличает и монархистов и коммунистов, живет комическими ситуациями и злободневными намеками. Она едва ли отличается искусностью построения или глубиной социального обличения. Но ее комизм живет и сегодня и она имеет право на свое место в русской литературе.

Köln, июнь 1976 года

Wolfgang Kasack

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. Литературные манифесты. ² Москва 1929 (Slavische Propyläen 64. 1. München 1969) стр. 94, 124-126.

² Театр 1974. 2, стр. 49.

³ Ср. К. Рудницкий, Режиссер Мейерхольд. Москва 1969, стр. 332-342.

⁴ Ср. Новый журнал 111 (1973) стр. 159.

⁵ Фильмы-сказки. Сценарии рисовальных фильмов. Москва 1952.

⁶ Инна Соловьева, Ради чего? "Театр" 1957. 3, стр. 70-81.

⁷ На немецком языке существуют три перевода: Erich Boehme (Verlag J. Ladyschnikow, Berlin 1926), Elisabeth Kottmeier und Eaghor Kostetzki (Hermann Luchterhand-Verlag, Neuwied am Rhein 1969) und Ingeborg Gampert (Bärenreiter-Verlag, Kassel), поставленный в 1972 году театром "Freie Volksbühne Berlin".

⁸ А.Г. Каванов и Н.Р. Эрдман, Приключение Мурзилки. (По материалам кинофильма. Для младшего школьного возраста.) Москва 1959, 28 стр. — Ю. Любимов и Н.Р. Эрдман, Герой нашего времени. Пьеса в двух частях. По одному роману. Москва 1966, 68 стр.

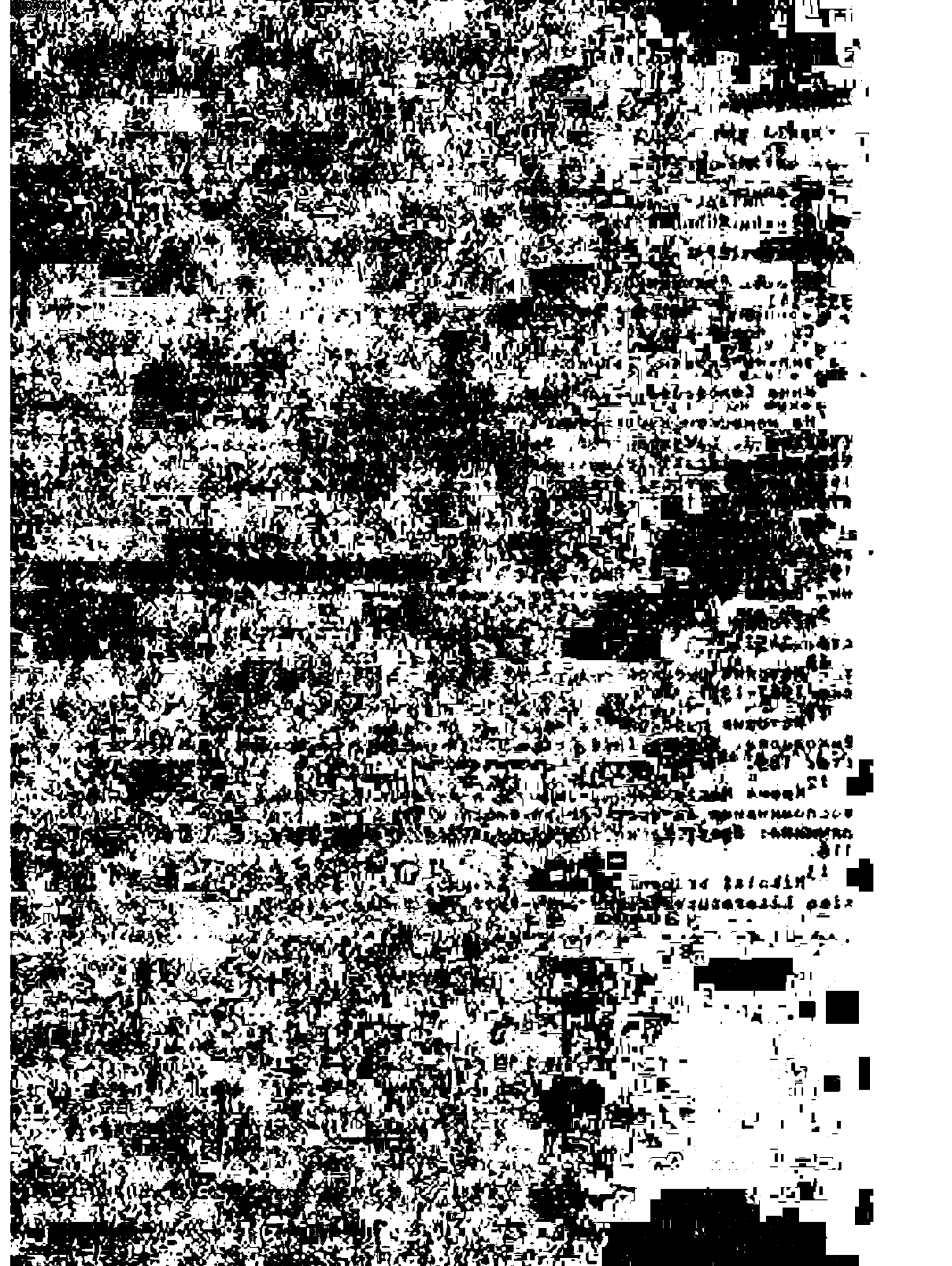
⁹ История русской советской литературы. Т. 1-ый. Москва 1958, стр. 245.

¹⁰ История русской советской литературы в четырех томах. Москва 1967-1971.

¹¹ История русской советской литературы. Под редакцией П.С. Выходцева. Москва 1970, стр. 182; — изд. 2-ое Москва 1974, стр. 189.

¹² Кроме Местечкина (прим. 2) и Рудницкого (прим. 3) важны воспоминания актера, исполнившего в 1925 году роль Павла Гулячкина: Эраст Гарин, С Мейерхольдом. Москва 1974, стр. 101 - 116.

¹³ Nikolai Erdman. A Soviet Dramatist Rediscovered. In: Russian Literature Triquarterly 1972. 2. S. 413-434.

М А Н Д А Т

Пьеса в трех действиях

Д Е Й С Т В У Ю Щ И Е Л И Ц А

Гулячкина Надежда Петровна
 Гулячкин Павел Сергеевич, - *ее сын*
 Гулячкина Варвара Сергеевна, - *ее дочь*
 Широнкин Иван Иванович
 Анастасия Николаевна (Настя) Пупкина, - *кухарка Гулячкиных*
 Лишневская Тамара Леопольдовна
 Сметанич Олимп Валерианович
 Сметанич Валериан Олимпович, - *сын его*
 Автоном Сигизмундович
 Агафангел, - *слуга его*
 Анатолий Олимпович Сметанич, - *младший сын О.В. Сметанича*
 Степан Степанович
 Фелицата Гордеевна, - *жена его*
 Ильинкин
 Ильинкина
 Зархин Зотик Францевич
 Зархина Ариадна Павлиновна, - *жена его*
 Тося } *дети их*
 Сюся }
 Крантик Наркис Смарагдович
 Отец Павсикахий
 Дворник
 Шарманщик
 Барабанщик
 Женщина с попугаем и бубном
 Извозчик
 Гости

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1-ое

Комната в квартире Гулячкиных. ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ ГУЛЯЧКИН на домашней складной лестнице вешает картины. Мать его - НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, рядом с ней на полу картины в рамах.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Теперь, мамаша, подавайте мне "Вечер в Копенгагене".

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Нет, Павлушенька, сюда "Верую, господи, верую" повесим.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Нет, мамаша, "Вечер в Копенгагене" будет не много художественней.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, как знаешь, Павлуша, а только я по себе обязательно "Верую, господи, верую" хотела. На ней, Павлуша, и рамка лучше и по содержанию она глубже, чем "Вечер в Копенгагене".

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что касается содержания, мамаша, то если посмотреть на него с другой стороны.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, *смотря на оборотную сторону.* Тьфу, пропасть, это кто же такой будет?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Плететесь вы, мамаша, совершенно напрасно, теперь не старое время.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да кого же ты сюда прицепил, Павлуша?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Прочтите, мамаша, подписано.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, вот я так сразу и подумала, что не русский. *Перевертывает картину, с другой стороны - Карл Маркс.* И что тебе вздумалось, Павлуша, висели эти картины восемнадцать лет рядом и глазу было приятно и гости никогда не обижались.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вы, мамаша, рассуждаете совершенно как незнательный элемент. Вот вы мне скажите, мамаша, что по-вашему есть картина?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Откуда мне знать, Павлуша, я газет не читаю.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Нет, вы мне все-таки скажите, мама, что, по-вашему, есть картина?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Столовался у нас в старое время, Павлуша, какой-то почтовый чиновник, так вот он всегда говорил: "Поймите, говорит, Надежда Петровна, что есть картина ни что иное, как крик души, наслаждение органа".

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Может быть, все это так раньше и было, а только теперь картина ни что иное, как орудие пропаганды.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Орудие? Это как же так?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Да очень просто. Приходит к нам, например, представитель власти, а у нас на стене: "Верую, господи, верую" повешено. Ясная картина - сейчас анкету. А скажите, скажет, гражданка Гулячкина, чем у вас прадедушка занимался?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А он даже ничем и не занимался, а просто-напросто заведение держал.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Какое такое заведение?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Прачешное.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Прачешную, говорю.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Прачешную? А если я вас за такие за буржуазные за предрассудки под суд отдам?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ой, батюшки.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вот то-то, матушка, батюшки.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как же теперь честному человеку на свете жить?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Лавировать надобно, маменька, лавировать. Вы на меня не смотрите, что я гимназии не кончил. Я всю эту революцию насквозь вижу.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Темное она дело, Павлуша, разве ее увидишь?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А вы в дырочку, мамаша, смотрите, в дырочку.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. В дырочку? В какую же дырочку, Павлуша?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как вам известно, мамаша, есть у нас в прихожей матовое окошко... Так вот я на нем дырочку проскоблил.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это для чего же такое?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А вот для чего. Ну, скажем, к примеру, звонок. Сейчас в дырочку поглядишь и видишь, кто и по какому делу звонится. Ну, скажем к примеру, домовый председатель, а то еще похуже, отделения милиции комиссар.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ой, господи, не дай Бог.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. И ничего, мамаша, подобного. А как только вы такого посетителя в дырочку увидите, сейчас же вы, маменька, картину перевертываете и милости просим, гости, в столовую.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ну, комиссар постоит, постоит да уйдет.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это почему такое, Павлуша?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Да потому, что Карл Маркс у них самое высшее начальство, мамаша.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Хорошо ты придумал, да только нам этот мужчина, можно сказать, всю обстановку испортит.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Напрасно, мамаша, беспокоитесь, мы для порядочного человека "Вечер в Копенгагене" перевернуть можем, и приди к нам хоть сам господин Сметанич, и тот скажет, что мы не революционеры какие-нибудь, а интеллигентные люди.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А знаешь, Павлуша, ведь к нам господин Сметанич сегодня придти обещался.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как придти обещался?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Так, говорит, приду на сына вашего посмотрю и как вы вообще живете.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что же вы, мамаша, раньше молчали? Удивительно. Давайте же скорей "Верую, господи, верую" вешать. Да помогите же мне лестницу переставить. Неужели, мамаша, так и сказал: приду, говорит, на сына вашего посмотрю?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Так и сказал.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как вы хотите, мамаша, но только я по этому случаю новые штаны одену.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. погоди, я тебе еще не рассказала, что господин Сметанич своего сына за нашу Вареньку сватает.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Сватает?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Своего сына за нашу Варьку?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вы, мамаша, меня простите, но только у вас здоровье слабое, может быть, вы заболели?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Нет, пока Бог милостив.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как же он, мамаша, своего сына сватает, когда он нашей Варьки ни разу не видел?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А разве это плохо?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я ничего не говорю, может быть, если бы он ее видел, так еще хуже было бы, только что-то не верится.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А ты верь, когда тебе говорят.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Значит, мы, маменька, скоро господину Сметаничу родственники будем?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А ты не спеши, лучше о приданом подумай.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Приданое? Ну, тогда, маменька, ничего не выйдет. Вы сами знаете, - мы люди разоренные.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Он деньгами, Павлуша, не хочет.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А чем же, мамаша?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Живностью, дорогой.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как так живностью?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Он, Павлуша, за нашей Варенькой в приданое коммуниста просит.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что? Коммуниста?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну да.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Да разве, мамаша, партийного человека в приданое давать можно?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Если его с улицы брать, то, конечно, нельзя. А если своего, можно сказать, домашнего, то этого никто запретить не может.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мы, мамаша, народ православный, у нас в дому коммунисты не водятся.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не бойся, сыночек, не бойся, Павлушенька, я твой грех замолю.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Какой грех?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да уж придется тебе, Павлушенька, в партию поступить.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мне? В партию?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Тебе, милый, тебе, Павлушенька, уж очень на тебя господин Сметанич рассчитывает.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Держите, мамаша, лестницу, а то у меня в глазах потемнело.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты только, Павлуша, подумай - выдадим мы Вареньку замуж, я к господину Сметаничу жить перееду, внучата у меня народятся образованные.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А я то, мамаша, что делать стану?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А чего тебе делать, разве у начальства какие дела бывают? Катайся на автомобиле, больше ничего. Ты только сообрази, Павлушенька, станешь ты у нас на автомобиле кататься, а я за тебя, Павлушенька, стану Богу молиться. Ты катаешься, а я молюсь, ты катаешься, а я молюсь - ну, и житье у нас будет.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Кататься? Ну, хорошо, маменька, я подумаю.
Вбивает гвоздь.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Подумай, Павлуша, подумай!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ *вколачивает гвоздь в стену.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А еще я хотела сказать...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Не перебивайте меня, мамаша, я думаю. Эх, и пошло бы мне, маменька, начальством быть. Чуть где-что, сейчас рукой по столу стукну - силянс! *Ударяет молотком по стене, раздается шум падающей посуды.* Вот так силянс.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ой, батюшки, никак у жильца посуда посыпалась.

Явление 2-ое

В комнату с криком вбегает ИВАН ИВАНОВИЧ ШИРОНКИН. На голове Ивана Ивановича горшок.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Караул, караул! Спасите, граждане, погибаю.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что случилось?

ИВАН ИВАНОВИЧ. А, вот он вы. Вы мне за это, гражданин, ответите. Я этого так, гражданин, не оставлю, я на вас, гражданин, управу найду.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А вы по какому праву в семейной квартире кричите?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как же мне не кричать, когда вы живого человека в молочной лапше утопили.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Но позвольте...

ИВАН ИВАНОВИЧ. Не позволю.

Явление 3-ье

Входит ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА ГУЛЯЧКИНА.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Что здесь за шум такой?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. В чем дело? Иван Иванович, что с вами?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Сколько раз я вам говорил, Надежда Петровна, что я занимаюсь вдумчивым трудом, а вы мне нарочно в стенку гвозди вколачиваете.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Мы до ваших гвоздей не касаемся, а вы до наших не касайтесь, пожалуйста, мы у себя в комнате.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Но простите, Надежда Петровна, я себе пищу готовлю сам...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Между прочим, от вашей готовки один только запах в доме.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Виноват-с, я человек холостой и сожительниц, как вот у других, у меня нет, а если я с керосинкой живу, так ведь есть каждому человеку надо.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Прошу вас о том, с кем вы живете, здесь не рассказывать, у меня дочь девушка.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, мама, вы преувеличиваете.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как, то-есть, не рассказывать, если у меня от обеда молочная лапша осталась, а вы мне ее на голову опрокидываете, так по-вашему мне молчать нужно?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Мы за вашу лапшу отвечать не можем.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Не можете, а в стенку колотить до сих пор, пока все кастрюли на меня с полки попадают, это вы можете? А если б я в этой лапше до смерти захлебнулся, кто бы стал отвечать, вы или я?..

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Эдак, Иван Иванович, одному таракану рассуждать в пору, а люди в лапше не тонут.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Вот милиция разберет, тонут они или не тонут.

Я этого дела без протокола не оставлю, будьте покойны.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что же по-вашему, Иван Иванович, я каторжница какаянибудь, чтобы на меня протоколы составлять?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Вы лучше, Иван Иванович, горшок с головы снимите, не шляпа он - неудобно.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ну уж нет, не сниму. Сейчас-то его снимешь, а после доказывай, что он у тебя на голове был. Дудки-с, я товарищу комиссару так и скажу: "Вот вам, товарищ комиссар, вещественное доказательство в нарушении общественной тишины."

Да-с, по-вашему это горшок, а по-нашему это улика.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что-ж вы, с уликой на голове так по улице и пойдете?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Так и пойду.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да вас в сумасшедший дом уведут.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Нынче сумасшедших домов нету, теперь свобода.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Прикрикни ты на него, Павлуша, пожалуйста.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как же я на него, мамаша, прикрикну, когда у него характер такой нехороший.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не бойся, Павлушенька, не бойся, милый, а то он и вправду в милицию пойдет.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Вы, Надежда Петровна, с сыном не перешептывайтесь. Я, Надежда Петровна, вашего сына не испугаюсь. Я, Надежда Петровна, на всем свете никого не боюсь. Мне, Надежда Петровна...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Силянс! Я человек партийный.

Все, начиная с ПАВЛА СЕРГЕЕВИЧА, страшно испуганы. ИВАН ИВАНОВИЧ от страха пятится задом к двери и уходит.

Явление 4-ое

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, я уезжаю в Каширу.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как уезжаешь?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Зачем уезжаешь?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Потому что за эти слова, мамаша, меня расстрелять могут.

ОБЕ. Расстрелять?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Нету такого закона, Павлуша, чтобы за слова человека расстреливали.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Слова словам рознь, мамаша.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Всякие я в замужестве слова слышала. Но вот покойный Сергей Тарасыч такие слова говорил, что неженатому человеку передать нельзя, так и то своей смертью, от водки умер, а ты говоришь...

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Пожалуйста, мама, не распространяйтесь, это просто абсурд и ерундистика.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Но поймите, мамаша, что я в партию не записан.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А ты запишись.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Теперь, конечно, ничего не поделаешь, придется.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, вот и слава Богу, значит скоро и свадьбу сыграть можно. Варвара, поблагодари брата, он согласился.

ВАРВАРА, *протягивая руку*. Мерси.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А вдруг, мамаша, меня не примут?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, что ты, Павлуша, туда всякую шваль принимают.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. В таком случае, мамаша, вы Уткина знаете?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это который на аэроплане упал?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. То, мамаша, Уточкин, а это Уткин.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Нет, такого не знаю.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я с ним, мамаша, еще когда в Самару за хлебом ездил, в поезде познакомился. С виду он, мамаша, человек как человек, а на самом деле у него три родственника в коммунистах. Так вот, мамаша, я их к себе пригласить думаю. Пусть они меня после в партию отрекомендуют.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Пригласи, Павлушенька, пригласи, пожалуйста.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. И еще я вам должен сказать, мамаша, если они узнают, что у нас гастрономический магазин был, пребольшие пренеприятности получить могут.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Откуда им, Павлуша, узнать, не узнают.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я это к тому говорю, чтобы вы их с политикой угощали.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. У меня на сегодня, Павлушенька, кулебяка с визигой сделана, покушайте на здоровье.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вы, мамаша, совсем обалдели. Да разве коммунисты кулебяку с визигой употребляют? Вы им еще крем-брюле предложите, мамаша. Им наше положение надо показывать, а вы кулебяку с визигой. И вообще я, мамаша, не понимаю, если я в нашем семействе жертва, то я требую, чтобы все меня в доме боялись.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да разве мы, Павлу...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Силянс! Я вам, мамаша, последний раз в жизни заявляю, чтобы нынче к вечеру у нас все харчи пролетарского происхождения были, и никаких Копенгагенов. Понимаете?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Понимаю, Павлушенька.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А если Варвара хоть одно слово о Боге или о гастрономическом магазине скажет, вот вам, ей-богу, я в Каширу уеду.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это дело довольно странно.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ты у меня, Варвара, навозражаешься. Из-за тебя, можно сказать, молодого человека в цветущем здоровьи в приданое переделывают, а ты на него носом крутишь.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варюша, сейчас же попроси у брата прощенья.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Но, мама...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варвара.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Но, ма...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варька.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Извиняюсь.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ну, ладно, я пошел.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты куда же, Павлуша, к Уткину?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. К Уткину, маменька, к... О, господи, я пропал.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что с тобой, Павлуша?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как же я, мамаша, их к себе приглашу, когда у нее ни одного родственника из рабочего класса нету?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я для тебя, Павлуша, ничего не пожалею, а уж чего нету - того нету.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А если мы, мамаша, каких-нибудь знакомых за родственников выдадим? Послушай, Вареньва, у тебя знакомых из рабочего класса нету?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я, может быть, даже не со всяким конторщиком знакомство вожу, а не то что с рабочим классом.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что же мне делать теперь, мамаша?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. погоди, надо у нашей Настьки спросить. Настька. Настька. Экая девка какая, наверное опять за книжкой сидит. Настька.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ты что же, оглохла, родная мать надрывается, а ты молчишь?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Мне кричать вредно, у меня регент колоратурное сопрано обнаружил.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ну и сиди в девках со своим сопраном.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты что же, все дело испортить хочешь? Кричи, когда тебе говорят.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Настька.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Какой у тебя, Варвара, голос, до невозможности противный, прямо не знаю.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Противный? У меня регент...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Дурак твой регент. Настька.

ВСЕ. Настька.

ГОЛОС НАСТЬКИ. Я.

ВСЕ. Ох.

Явление 5-ое

Входит АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА (НАСТЯ), кухарка Гулячкиных.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты что кричишь? Ты что разоралась, я тебя спрашиваю? А? Ты где, на улице или в доме?

НАСТЯ. Я...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Молчи, когда с тобой разговаривают. Тебе гренадером надо родиться, а не кухаркой.

НАСТЯ. Я...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не возражай. Тебя почему дозваться нельзя? А?.. Ты что же, опять книжки читаешь? Что я тебе жалованье плачу, чтобы ты на него книжки покупала?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, передохните немного. Хотел я вас, Настя, спросить, что, к вам знакомые из рабочего класса не ходят?..

НАСТЯ. Я, Павел Сергеевич, барышня.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я не о том говорю. Я вас спрашиваю, что у вас знакомых из рабочего класса нету?

НАСТЯ. У незамужних барышень знакомых не бывает.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Настька, не ври.

НАСТЯ. Я, Надежда Петровна, у разных господ служила, и никогда у меня никаких знакомых не наблюдалось. Можете справиться.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Настька, не ври, я тебе говорю.

НАСТЯ. Если вы, Надежда Петровна, об Иване Ивановиче говорите, то они не мужчина вовсе, а жилец.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что?

НАСТЯ. И если они меня в свою комнату приглашали, то это исключительно для увеличения бюста.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Для чего?

НАСТЯ. Для увеличения бюста.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты, Настька, совсем очумела. Я свою законную дочь замуж выдаю, а ты у меня в доме развратом занимаешься. Что я тебе жалованье плачу, чтоб ты на него свой бюст увеличивала? А?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Оставьте ее, мама, пожалуйста. Это даже очень интересно. Скажите, Настя, он его в самом деле увеличивает?

НАСТЯ. На самом деле.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как же он это делает?

НАСТЯ. Вот уж как, не знаю, а только он мне сам предложил. Я, знаете, когда в Трехсвятительском переулке жила, так у нас там как раз напротив фотография-миниатюр помещалась, под названием "Электрический шик". Ну я, конечно, в этом электрическом шике для своего собственного развлечения полдюжины карточек заказала. Но как вы, барышня, сами знаете, карточки эти размера маленького и лицо на них получается только до пояса. Опять же как у нас Иван Иванович человек, можно сказать, с фотографическим образованием, так он мне вчера и говорит: "Я, говорит, Анастасия Николаевна, для вас ваш бюст увеличу".

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Тьфу, идиотка, только зря обнадежила.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты что же это? А? Сейчас же пошла на кухню и что бы духу твоего не было. *НАСТЯ уходит.*

Явление 6-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Сколько я из-за этой девки переживаний испытываю, прямо никаких нервов не напасешься.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. В данный момент это вопрос второстепенный, мамаша. Вы мне лучше скажите, мамаша, что я со своими родственниками делать буду, когда их у меня нету.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Тоже заладил: родственники, да родственники.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Заладил? Ты что сказала: заладил? Я тебя спрашиваю, ты что сказала: заладил?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Натурально.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Так вот тебе, Варвара, мой ультиматум. Пока ты мне родственников из рабочего класса не найдешь, ты у меня из девичьего состояния не выйдешь. Это раз.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Где же я их, Павел, достану?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я тебе убедительно повторяю, это раз. А жильца вашего, который посторонним кухаркам бюсты увеличивает, вы мне отсюда выживите. Я с ним под одной крышей все равно не останусь - это два.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Да разве его, Павел, выживешь?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ты говоришь, что не выживешь?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Определенно.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А я говорю, что это два, и всего хорошего.

Уходит.

Явление 7-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как ты хочешь, Варвара, а придется тебе ему родственников достать.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Слишком много из себя воображает, мамаша.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты что же, Варвара, для своего собственного счастья потрудиться не можешь? Или ты думаешь, кроме тебя на свете и невест никаких больше не водится? А?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну, хорошо, мама, я поищу. Это раз. Но что касается это два, то чем же его, мамаша, выживешь?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Его, Варюшенька, шумом выживать нужно, шумом.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Шумом?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну да. Ты ведь, Варюшенька, знаешь, что Иван Иванович никакого шума не переносит, значит, мы его шумом и выживем.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Но, мама, каким шумом?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, как каким. Играми какими-нибудь, танцами, пением. Ты, Варюша, хоть спела бы чего-нибудь сегодня, может быть, он уедет.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Что я, мама, Шаляпин, что ли? Да у меня и голоса для этого даже не хватает. Вы мне лучше, мамаша, скажите, он брнет?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Кто, Шаляпин?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ничего подобного. Я вас, мама, про сына господина Сметанича спрашиваю.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как раз напротив, шатен.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, какая досада.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это еще почему?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Потому что блондинкам очень к лицу, когда у них мужья брнеты.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты что же, с волосами собираешься жить, или с мужчиной?..

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это дело вкуса, мамаша, об этом не спорят. Между прочим, мамаша, я совершенно буквально не знаю, как его имя.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Его Валерианом зовут, Варюша. Валериан Олимпович Сметанич.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. По-моему, Валериан имя очень замечательное, только немного на капли похоже. Но в общем я этим довольна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да в такого мужчину, как Валериан Олимпович, любая сознательная барышня зубами вцепиться должна, а не только что довольной быть. Какая у него, Варенька, душа, какое у него, Варенька, сложение, а папаша, папаша у него какой. Ведь это, Варюша, понять нужно. С первого дня революции человек разоряться стал, пять лет разорялся, и все-таки разориться не смог. Удивительно, как такого человека земля держит, таких людей на небо живьем брать нужно.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как вы думаете, мамаша, не лучше ли мне в парикмахерскую сходить?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Зачем в парикмахерскую?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Для завивки волос, мамаша, а потом от меня после парикмахерской очень хороший запах.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Сходи, Варенька, сходи, милая.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Только вы ему, мамашенька, пожалуйста не рассказывайте, пусть он подумает, что я от природы пахну.
Уходит.

Явление 8-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Господи Боже мой, ну что это за жизнь такая, что это за жизнь. Свою собственную дочь замуж выдаешь, так страху не оберешься. В своем собственном доме, за свою собственную квартиру деньги платить приходится. Ну что это за жизнь такая, что это за жизнь. А люди, люди какие стали. Девушки не только детей рожают, а даже табак курят, мужчины не только что даме, священнослужителю место в трамвае уступить не могут. Ну что это за жизнь такая, что это за жизнь. А с церковью, с церковью что сделали. В мирное время бывало свечку за три копейки купишь и молишь сколько хочешь, а теперь, говорят, с каждого богомольца, за каждую молитву налоги взиматься будут. Что же я, по-ихнему, всю ночь отстою, так мне разориться нужно? Ну уж нет, истинно верующий человек и бесплатно помолиться сумеет. *Во время монолог* НАДЕЖДЫ ПЕТРОВНА *постилает на стол чистую скатерть, ставит на нее граммофон. По бокам граммофона зажигает восковые свечки. Не даром в псалме сыновей Киреевых за номером 86 черным по белому напечатано: "И поющие и играющие все источники мои в тебе". Пускает пластинку, становится на колени. Граммофон начинает служить обедню. Истинно сказано, всякое дыхание да славит господа. Господи, господи, услыши его грешного.*

Явление 9-ое

Входит НАСТЯ.

НАСТЯ. Барыня.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ой! Экая дура. Я крещусь, а ты мне под руку говоришь.

НАСТЯ. Вас, барыня, какая-то дама спрашивает.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какая дама?

НАСТЯ. Для меня ничуть не знакомая. Да вот они сами.

Явление 10-ое

Входит ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА ЛИШНЕВСКАЯ.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Тамара Леопольдовна, вы или это. Входите, входите пожалуйста. Господи, счастье какое. Настыка, останови обедню.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Вносите, вносите его сюда.

Явление 11-ое

ДВА ЧЕЛОВЕКА вносят сундук.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Батюшки. Никак вы ко мне переезжаете, Тамара Леопольдовна?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, и не спрашивайте, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ах, я не понимаю, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, это просто ужас, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ах, вы меня пугаете, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, и не говорите, Надежда Петровна.

Ставьте его сюда. Так. Больше вы мне не понадобитсяь.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Настыка. Покажи этим людям выход. *НАСТЯ и ДВА ЧЕЛОВЕКА уходят.*

Явление 12-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Присаживайтесь, присаживайтесь, Тамара Леопольдовна. Не сюда, не сюда, Тамара Леопольдовна, вот в креслице на подушечку.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, это не имеет значения.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Здоровьице-то ваше как, Тамара Леопольдовна, здоровьице?..

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Неужели вы не видите, что на мне лица нет?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Батюшки, никак с вами несчастье какое приключилось?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, это такой кошмар, это такой кошмар. Вы только подумайте, Надежда Петровна, у нас обыск сегодня ожидается.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Обыск? Ах, они окаянные, боже мой. Как же это возможно, Тамара Леопольдовна, чтобы такую хорошую даму, как вы, Тамара Леопольдовна, и вдруг обыскивали?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Разве мужики могут оценить даму, Надежда Петровна?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да за что же они, окаянные, вас обыскивать будут?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Какая вы наивная, Надежда Петровна, как за что. Разве теперь что-нибудь за что-нибудь бывает? Я понимаю, Надежда Петровна, если бы мой муж служил. На службе, конечно, я не спорю, может случиться... ну... как это называется, ну... ну, утечка какая-нибудь. Описка или вообще. Но я повторяю вам, Надежда Петровна, мой муж нигде не служит, так вот, оказывается, жить и не служить нельзя. Но позвольте, если он будет служить, значит, он должен работать, а если он станет работать, как же он будет зарабатывать?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну что это за жизнь такая, что это за жизнь.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, и не говорите. Такая великая страна - и вдруг революция. Прямо неловко перед другими державами. Разве такой темный народ может понимать идею? Знаете, Надежда Петровна, мой муж всегда говорил: если бы революцию сделали через сто лет, я бы ее принял.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что же вы теперь делать будете, Тамара Леопольдовна?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. У меня к вам просьба, Надежда Петровна, только не знаю, согласитесь ли вы.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да что вы, Тамара Леопольдовна, да я для вас, Тамара Леопольдовна... Да ведь вы у нас прежде первой покупательницей были, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. В таком случае оставьте у себя этот сундук.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Только то и всего?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, не думайте пожалуйста, этот сундук очень опасный.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Опасный?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Вот посмотрите. *Открывает.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Платье?.. А уж я думала, бомба.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, если б вы знали, чье это платье, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Разве не ваше, Тамара Леопольдовна?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, и не спрашивайте, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А-а, да чье же оно, Тамара Леопольдовна?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, и не говорите, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ах, скажите, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ну, так знайте, Надежда Петровна, это платье... Закройте дверь, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Закрyla, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Это платье... Александры Федоровны.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какой же это Александры Федоровны? Это уж не акушерки ли Александры Федоровны, с которой мы вместе Павлушу рожали?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Какой акушерки, Надежда Петровна. Императрицы.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Импе... Ох, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ох, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как же оно к вам попало, Тамара Леопольдовна?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, это целая история. Можете ли вы себе представить, что у моего мужа в старое время была тетушка. У этой тетушки сын жил в Петербурге. И можете ли вы себе представить, у квартирной хозяйки родного сына тетушки моего мужа старшую дочь крестила настоящая фрейлина. Ну вот, когда случилась эта ужасная катастрофа, все стали спасать Россию.

Фрейлина ее величества, крестная мать дочери квартирной хозяйки сына тетушки моего мужа спасла это платье. Но так как Россия не переставала погибать дальше, то квартирная хозяйка сына тетушки моего мужа в свою очередь спасла это платье у фрейлины. Затем сын тетушки моего мужа спас его у квартирной хозяйки, тетушка моего мужа - у своего сына, а муж мой у своей тетушки. Таким образом, если это платье обнаружат у нас, мы погибли.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какие вы ужасы говорите. Вы лучше его забросьте куда-нибудь, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Вы с ума сошли, Надежда Петровна. Вы понимаете ли, Надежда Петровна, что в этом сундуке помещается все, что в России от России осталось. А кому же в теперешнее время спасти Россию, как не нам с вами, Надежда Петровна?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это верно, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. А потом, Надежда Петровна, если не сегодня-завтра французы в Россию какого-нибудь царя командируют, муж мой из-за этого платья, может быть, даже награды удостоится.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Награды? Какой же такой награды?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ну, какой. Я не знаю, какой. Может быть, орден какой-нибудь или пенсию.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Пенсию? Вы уж тогда, Тамара Леопольдовна, и об нас похлопочите, пожалуйста.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Какие же тут могут быть разговоры, Надежда Петровна, за такое геройство обязательно похлопочем.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да я для вас, Тамара Леопольдовна.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Не для меня, Надежда Петровна, а для России.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да когда же это старое время настанет?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Мой супруг мне сегодня утром сказал:

"Тамарочка, погляди в окошечко, не кончилась ли Советская власть?" "Нет, говорю, кажется, еще держится." "Ну, что-же, говорит, Тамарочка, спусти занавесочку, посмотрим, как завтра."

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. И когда же это завтра настанет?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Терпение, Надежда Петровна, терпение. А пока возьмите это. *Вынимает револьвер.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Батюшки, пистолет.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Не бойтесь, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А если он выстрелит?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Если его не трогать, Надежда Петровна, он не выстрелит. А все-таки как-то за платье спокойнее. Итак, храните его и уповайте на Бога.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Уповаю, Тамара Леопольдовна, уповаю. На кого же и уповать, когда в Москве из хороших людей, кроме Бога, никого не осталось.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ну, до свидания, Надежда Петровна, и помните, никому ни слова.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я, Тамара Леопольдовна - могила. Храни вас Бог. *ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА уходит.*

Явление 13-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Господи, господи, что это за жизнь такая, что это за жизнь. Ну, сейчас домолюсь, а там, глядишь, и кулебяка поспеет. Господи, господи, один ты у меня заступник остался. *Ставит пластинку.* Услыши меня, господи, по милости твоей. *Грамофон играет "Ой-ру"*. Тьфу, дьявол, не ту пластинку поставила.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1-ое

НАСТЯ за книгой.

НАСТЯ читает. "Милорд, вскричала принцесса, я никогда не говорила, что люблю вас, вы ошибаетесь." "Принцесса, вскричал милорд, вот вам моя шпага, проколите меня насквозь." Ох, и отчаянный этот милорд, прямо не знаю. "Несчастный, вскричала принцесса, так вы меня в самом деле любите?" "Увы, вскричал милорд, люблю ли я вас. Я вас люблю, как птичка любит свободу." Ну, до чего симпатичный этот милорд, просто удивительно симпатичный. "В таком случае, вскричала принцесса, я сбрасываю маску лицемерия." И их уста соединились в экстазе." - Господи, какая жизнь. И такую жизнь ликвидировали. Если бы наше правительство принцессскую жизнь знало, разве бы оно так поступило? "Но любовь похожа на мираж, и в спальню вошел герцог." - Ну, сейчас начнется история. Ужасно характерный мужчина этот герцог, кого ни встретит, сейчас обругает.

Явление 2-ое

Входит ИВАН ИВАНОВИЧ.

НАСТЯ. "Мерзавец, вскричал герцог, тебе не место в этой комнате."

ИВАН ИВАНОВИЧ. За что вы меня так, Анастасия Николаевна?

НАСТЯ. "Мерзавец, ты лишаешь меня чести за моей спиной."

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ей-Богу, нет, Анастасия Николаевна, честное слово, вам показалось.

НАСТЯ. Ах, Иван Иванович.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Поверьте, Анастасия Николаевна, что честь женщин не пустой звук для меня, это цель моей жизни. Но я чувствую, Анастасия Николаевна, нравственную потребность опереться о женскую душу.

НАСТЯ. Что вы такое говорите, Иван Иванович?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Помните, Анастасия Николаевна, я человек холостой и белье мое штопать некому. К тому же вы женщина полная и можете дать человеку забвение.

НАСТЯ. Я, Иван Иванович, барышня молоденькая, и мне этого понимать нельзя.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Вы, пожалуйста, не думайте, Анастасия Николаевна, что у меня усы. Душой я, Анастасия Николаевна, настоящий ребенок.

НАСТЯ. Ах нет, зачем же. Усы это божий дар. Но только вы напрасно, Иван Иванович, их шиворот навыворот носите.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как то-есть шиворот навыворот?

НАСТЯ. Вы их, Иван Иванович, вниз опускаете, а вы их, Иван Иванович, лучше вверх поднимите, тогда для глаза будет совершенно приятней.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Мужские усы, Анастасия Николаевна, нуждаются в женской ласке, без этого они правильно произрастать не могут, но придайте им вашими руками правильное направление, и они будут пребывать в вечном блаженстве.

НАСТЯ. Ах что вы, Иван Иванович, я не сумею.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Сумеете, Анастасия Николаевна, ей-Богу сумеете.

НАСТЯ. Ах нет.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Да вы только попробуйте.

НАСТЯ. Ах, зачем же я буду чужие усы пробовать.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Хотя бы для любопытства, Анастасия Николаевна.

НАСТЯ. Уж если только для любопытства, Иван Иванович. Но вы пожалуйста из-за этого чего не подумайте.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Я, Анастасия Николаевна, никогда ничего не думаю.

НАСТЯ. В таком разе извольте. Между прочим, они у вас нисколько не поднимаются. Должно быть, они от рождения такие.

ИВАН ИВАНОВИЧ. А вы пальчики послюните, Анастасия Николаевна.

НАСТЯ. Ах, с удовольствием.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Поверьте, Анастасия Николаевна, что вы проникаете мне через усы в самое сердце.

НАСТЯ. Милорд, я никогда не говорила, что люблю вас, вы забываетесь.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Простите меня, это был безумный порыв. Но знайте, Анастасия Николаевна, что я за любовь ничего не побоясь. Если вы хотите соединиться со мной на веки, я согласен.

НАСТЯ. Ваша личность мне очень мало знакома, и я узнать не могу, может быть у вас где-нибудь даже дети есть.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Дети, Анастасия Николаевна, не позор, а несчастье. А если вы что-нибудь против моей наружности имеете...

НАСТЯ. Ах, нет, наружность у вас очень пропорциональная.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Или, может быть, касательно того, как я одеваюсь?

НАСТЯ. Ах, что вы.

ИВАН ИВАНОВИЧ. То, если вы взглянете на мой галстук, вы убедитесь воочию, что я одеваюсь с большим комфортом.

НАСТЯ. У вас галстук очень красивый, только зачем вы его вместе с лапшей завязываете?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как с лапшей?

НАСТЯ. Вот-с, Иван Иванович, кусок настоящей лапши.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ах, мерзавец.

НАСТЯ. Вскричал герцог.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Что?

НАСТЯ. Это у меня вырвалось. Но кого вы, простите за выражение, так обозвали?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как кого. Конечно, Павла Сергеевича.

НАСТЯ. Павла Сергеевича?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Между прочим, скажите, пожалуйста, когда же ваш Павел Сергеевич в партию поступить успел?

НАСТЯ. Они у нас, Иван Иванович, ни в какую партию не поступали.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как не поступали?

НАСТЯ. Очень обыкновенно.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Не поступали? Скорей говорите, куда вы лапшу с моего галстука положили?

НАСТЯ. На пол, Иван Иванович.

ИВАН ИВАНОВИЧ. На пол? Да где же она?

НАСТЯ. Вы напрасно ее ищете, Иван Иванович, потому что лапшу у себя под ногами кушать для желудка очень опасно.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Вы мне ее, пожалуйста, поскорее возвратите, а я сейчас. *Уходит.*

Явление 3-ье

НАСТЯ. Как они деликатно изобразили свои чувства, и вдруг лапша. Да вот она, кажется. Так и есть. Подумать только, что такой маленький кусочек теста и может разбить мечту. Если все, что они говорили, было надсмешкой, то это довольно совестно с их стороны, но если это была не надсмешка - в таком случае, я сбрасываю маску лицемерия и говорю, что я согласна. Соединиться на веки с таким господином, как Иван Иванович, для каждой девушки очень приятное развлечение.

Явление 4-ое

Входит ИВАН ИВАНОВИЧ.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ну что? Нашли?

НАСТЯ. Господи, Иван Иванович. Зачем же вы горшок себе на голову надели?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ради Бога не говорите, что я его одел. Пусть все думают, что я его не снимал.

НАСТЯ. Как не снимали. Да разве вы, Иван Иванович, вообще то в горшке живете?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Временно-с принужден. Но где же лапша моя, Анастасия Николаевна?

НАСТЯ. Вы прежде с нее, Иван Иванович, грязь тряпочкой оботрите.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Наоборот, Анастасия Николаевна, чем больше грязи, тем лучше. Пусть беспристрастное правосудие увидит, как

бывшие домовладельцы втаптывают в грязь трудолюбивого обывателя посредством молочной лапши.

НАСТЯ. Куда же вы в таком виде идете, Иван Иванович?

ИВАН ИВАНОВИЧ. В милицию, Анастасия Николаевна, в милицию.

Уходит.

Явление 5-ое

НАСТЯ. В милицию? Иван Иванович, Иван Иванович. Вернитесь, я вам говорю, ей-Богу, вернитесь. Ушел. Ясно, что человека в таком головном уборе из милиции обратно не выпустят. Батюшки. Никак кто-то на черном ходу дверь отпирает. Наверное, барышня. Надо поскорей "Королеву-страдалицу" под подушку спрятать, а то у нас Надежда Петровна протестует против всякого самообразования. *Уходит.*

Явление 6-ое

Входит ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Входите, входите.

Явление 7-ое

Входит ШАРМАНЩИК.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Становитесь вот к этой стенке и начинайте пожалуйста. Ну? Что же вы?

ШАРМАНЩИК. Мне, конечно, наплюнуть, но только я лучше на двор пойду, а вы меня в форточку послушаете.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Что?

ШАРМАНЩИК. Я трепаться, сударыня, не люблю, а только у меня музыка для свежего воздуха приспособлена.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это ничто иное, как просто жульничество. Зачем же вы раньше со мною улаживались?

ШАРМАНЩИК. Я думал - у вас именины или еще пьянство какое-нибудь, а так, один на один, я в жилом помещении играть не согласен.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Но поймите, что мы выживаем.

ШАРМАНЩИК. Я вижу, что выживаете. Нынче очень много людей из ума выживают, потому как старые мозги нового режима не выдерживают.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Мы вовсе не из ума выживаем, а жильца.

ШАРМАНЩИК. Ах, жильца. Ну, это дело другое. За что же вы его, сударыня, выживаете?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. За то, что он хулиган. Можете ли вы себе представить, он из меня девушку до конца моей жизни делает.

ШАРМАНЩИК. Да ну? Как же он, сударыня, из вас девушку делает?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Вы наверное не заметили, что я невеста. Так вот, я невеста. Ну, а брат мой Павел Сергеевич нынче утром на этого жильца ультиматум поставил. Если ты, говорит, из квартиры его не выживешь, ты у меня из девического состояния не выйдешь.

ШАРМАНЩИК. Ну это, конечно, обидно, потому что девическое состояние вроде собаки ни себе, ни людям.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Именно. Вот мы с маменькой и решили его пенем выжить.

ШАРМАНЩИК. Так. Вы какую же музыку больше обожаете?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Церковную.

ШАРМАНЩИК. У меня, барышня, инструмент советский, он церковной музыки не играет.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну, играйте какую умеете, только погромче.

ШАРМАНЩИК играет, ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА поет.

ГОЛОС НАСТИ. Бегу, Варвара Сергеевна, потерпите минутку, я сейчас.

Явление 8-ое

Вбегает НАСТЯ.

НАСТЯ. Вот она я. Мать пресвятая богородица, живая, как есть живая.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Кто живая?..

НАСТЯ. Да вы, Варвара Сергеевна, живая, ей-богу живая.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ты что рехнулась, или с ума сошла?

НАСТЯ. Да как же, Варвара Сергеевна, я сейчас с нижней кухаркой на кухне стою, а она мне и говорит: "Никак, говорит, вашу Варвару Сергеевну режут, потому как она не своим голосом кричит."

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как это не своим голосом? Во-первых, это у меня такой свой голос, а во-вторых, ты дура.

НАСТЯ. Нынче, Варвара Сергеевна, время беспокойное, я этого знать не могла.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну, хватит с тебя разговаривать. Танцуй!

НАСТЯ. Чего-то?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Танцуй, говорю!

НАСТЯ. Я, барышня, танцами не занимаюсь.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как не занимаешься? Если ты к нам на всякую черную работу нанялась, то ты не имеешь полного права отказываться. Раз тебе говорят танцуй, значит танцуй. Играйте, играйте, милостивый государь. Пойте, пойте сильнее. Настька, танцуй, танцуй громче, как в престольные праздники танцуют. Что же я такое делаю. Остановитесь, остановитесь скорей! Настя, поди-ка сюда! Понюхай меня, я не выдохлась? Ну? Что? Как? Пахну?

НАСТЯ. Немного пахнете.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну слава Богу. А то ведь от этих танцев из меня весь аромат после парикмахерской улетучиться может. А я его для Валериана Олимповича берегу.

ШАРМАНЩИК. Я думаю, он теперь уж наверно укладывается, сударыня, потому я даже запрел.

НАСТЯ. Кто укладывается?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Иван Иванович.

НАСТЯ. Иван Иванович? Их нет.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Где же он?

НАСТЯ. Они-с?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Да.

НАСТЯ. Иван Иванович? .

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну да.

НАСТЯ. В горшке-с.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Где?

НАСТЯ. То-есть, я хотела сказать, что они наверно того-с, вышли...

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Значит, мы задаром играли?

ШАРМАНЩИК. Нет.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Что нет?

ШАРМАНЩИК. То нет. Это вы пели задаром, а мне игру будьте любезны заплатить, что причитается.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Погодите, вы кто?

ШАРМАНЩИК. Как, кто?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Так, кто?

ШАРМАНЩИК. Я... народный артист.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Не, вы из какого класса вышли?

ШАРМАНЩИК. Из второго. Церковно-приходское училище.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я не про то говорю. Вы из рабочего класса?

ШАРМАНЩИК. Нет, я из искусственного класса: музыкант самучка.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, какая досада.

ШАРМАНЩИК. А вам на что?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это не мне, а моему брату. Я ему, видите-ли, родственников из рабочего класса найти обещала.

ШАРМАНЩИК. Родственников?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Именно. К нему, видите-ли, сегодня из большевистской партии с визитом придут, а у него родственников из рабочего класса нету.

ШАРМАНЩИК. Что же вы ими раньше не обзавелись... барышня?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Раньше такие родственники в хозяйстве не требовались.

ШАРМАНЩИК. Как же вы теперь, барышня, устроитесь?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Надо каких-нибудь пролетариев на прокат взять, да только где их достанешь?

ШАРМАНЩИК. Ну, такого дерьма достать не трудно.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Послушайте, а вы не можете этого сделать?

ШАРМАНЩИК. Отчего не могу.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. У нас, знаете, кулебяка с визигю на сегодня приготовлена, и потом всевозможные конфеты ландрин. Вообще мы для рабочего класса ничего не пожалеем.

ШАРМАНЩИК. Ну, это для тела, а для души?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как для души?

ШАРМАНЩИК. Выпивка, например, у вас будет?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Будет.

ШАРМАНЩИК. Будет?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Будет.

ШАРМАНЩИК. Не понимаю, как это у меня память отшибло.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А что?

ШАРМАНЩИК. Ведь я, оказывается, я сам из рабочего класса.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, какой сюрприз.

ШАРМАНЩИК. Вам, барышня, в каком количестве родственники требуются?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я думаю, три человека хватит, на каждого коммуниста по родственнику.

ШАРМАНЩИК. Ну, а я думаю, на каждого родственника по бутылке.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. В таком случае, я вас жду.

ШАРМАНЩИК. Будьте покойны.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Настька. Проводите этого господина по черному ходу и купите в гастрономическом магазине три бутылки кагору. Поняли?

НАСТЯ. Поняла, барышня.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ступайте! *НАСТЯ и ШАРМАНЩИК уходят.*

Явление 9-ое

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Столько забот, столько забот и никакого развлечения. Один раз в месяц в парикмахерскую выпросишься, вот и все удовольствие. В церковь меня мамаша не пускает, говорит, там убьют. В бани теперь всякая шантрапа ходит, так что даже не интересно мыться. Вообще интеллигентной девушке в создавшемся положении пойти некуда. Одно интересно узнать, понравлюсь я Валериану Олимповичу или не понравлюсь? По-моему, понравлюсь. У меня очень душа и ресницы хорошие. И потом мне улыбка очень к лицу, только, жалко, она на этом зеркале не помещается.

Явление 10-ое

Входит ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Варька, ты зачем рожи выстраиваешь?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А разве мне не к лицу?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. При такой физиономии, как твоя, всякая рожа к лицу. Только нужно, Варвара, и о брате подумать, к лицу, мол, ему такая сестра или нет.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это вовсе не рожа, Павлушенька, а улыбка.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Улыбка. Я тебе как честный человек говорю, если ты нынче вечером перед моими гостями вот такими улыбками улыбаться будешь, я от тебя отрекусь.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Тебе от меня отречься нельзя.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А я говорю, что отрекусь и вдобавок еще на всю жизнь опозорю.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как же ты меня можешь опозорить?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Очень просто. Скажу, что ты не сестра мне, а тетка.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я тебе, Павел, родственника достала, а ты меня таким словом обозвать хочешь. Это нахально.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Достала? Что же он - рабочий?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Рабочий.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Каким же он трудом занимается?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ручным. Ну, а коммунисты к тебе придут?..

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Придут. Их сам Уткин ко мне привести обещал.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Значит, ты теперь вроде как совсем партийный?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. С ног и до головы. Вот я даже портфель купил, только билета партийного нету.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну, с портфелем, Павел, и без билета всюду пропустят.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Итак, Варя, начинается новая жизнь. Да, кстати, ты не знаешь, Варюшенька, что такое Р.К.П.?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Р.К.П.? Нет, не знаю. А тебе зачем?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Это Уткин в разговоре сказал: "Теперь, говорит, всякий дурак знает, что такое Р.К.П."

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как же, Павлушенька, ты не знаешь?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я, собственно, наверное знал, но только у партийного человека столько дела в голове, что он может об этом и позабыть.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Посмотри, Павел, сундук.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Где сундук?..

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Вот сундук.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Действительно, сундук.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Странно.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Действительно, странно.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Что бы в нем могло быть?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А ты загляни.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. На нем, Павел, замок.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Действительно, замок.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Удивительно.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Действительно, удивительно. И зачем это маменька плачется, что у нее в сундуках ничего не осталось? Спросишь, Варюшенька, маменьку: "Где у вас, маменька, папенькины штаны?" "Съели мы их, говорит, Павлушенька, съели. Мы, говорит, в восемнадцатом годе все наше имущество на муку променяли и съели." Спросишь, Варюша, у маменьки денег. "Откуда у нас, говорит, Павлушенька, деньги? У нас, говорит, в восемнадцатом годе все отобрали." "На что же мы, маменька, скажешь, живем?" "Мы, говорит, Павлушенька, папенькины штаны доедаем." Какие же это у нашего папеньки штаны были, если его штанами целое семейство питается.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Не иначе, как у нашей маменьки кроме папенькиных штанов что-нибудь да осталось.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как же, Варюшенька, не осталось, если она сундуки на замки запирает.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А замочек-то, Павел, маленький.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Да, замочек неважный.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Такие замки вилкой и то, наверное, отпереть можно.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ну вилкой, не вилкой, а гвоздиком наверное можно.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. погоди. *Дает ему гвоздь.*

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А если узнают?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Кто же, Павел, узнает? Мы, кажется, люди честные, на нас никто подумать не может.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А что если маменька?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Маменька обязательно на Настьку подумает, потому что кухарки они все воровки, и наша, наверное, воровка.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Это, действительно, наверно воровка. У ней, Варвара, даже в глазах есть что-то такое и вообще.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Воровка, Павел, воровка.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Сколько на свете бесчестных людей развелось, прямо никакому учету не поддается.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Может быть, тебе, Павел, посветить немножко? *Берет лампу.*

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Посвети, посвети! Поставь ее на пол! *Варвара ставит.*

Явление 11-ое

Входит НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Почему-то у нас в квартире такое затмение. Заступница, никак кто-то императорское платье взламывает.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну что, поддается?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Сейчас, поддается.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Взламывают, как есть взламывают. Где же это у меня пистолет был? Господи боже, боже мой, вот он. Заметят они меня, окайнные, ей-богу заметят. Ой, выскакивают. Караул, застрелю...

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Караул, жулики!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ложись, стреляют.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Караул...

ОБА. Караул!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Должно быть, большевики или бандити какие-нибудь...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Товарищ.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, значит, большевик. Только бы он у меня не выстрелил, только бы не выстрелил. *Револьвер вистреливает.*

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Варька, пощупай меня, я жив?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. По-моему, жив.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Контузила я себя, ей-Богу контузила.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А ты?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Кажется, тоже немножко жива.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Перешептываются, так и есть перешептываются.

Арестуют они меня, окаянные, сейчас арестуют.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Товарищ, обратите внимание, мы дети, честное слово, дети, как говорится, цветочки будущего.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Мне это платье Тамара Леопольдовна подсунула, честное слово, Тамара Леопольдовна.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ну какой вам, товарищ, прок, если вы нас застрелите? Вот скоро наша мамаша придет, это дело другое.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вы мне лучше прямо скажите, вы большевики или жулики.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мы беспартийные, товарищ, третьей гильдии.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, слава тебе господи, значит жулики. Караул, грабят!

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Караул, убивают!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Товарищ! Мамаша!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Караул, застрелю!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Да что вы, мамаша, это я, Павел.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Неужто ты? И взаправду ты?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я, маменька, я.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Он, маменька, он.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Да разве вы, маменька, сами не видите?..

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Кого же я, Павел, могу увидеть, когда я на оба глаза зажмурена.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, сию же минуту откройте глаза, иначе может произойти катастрофа!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как же я, Павлушенька, их открою, когда он того и гляди выстрелит.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Выстрелит! Варька, ложись! Мамаша, вы опять на меня нацеливаетесь! Поверните его, мамаша, к себе, дыркой, дыркой на себя поверните! Цельтесь в себя, цельтесь в себя, вам говорю, а то вы еще, упаси господи, нас застрелите!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Взорвется он у меня, Павлушенька, ей-Богу, взорвется!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Варька, опусти голову!

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Маменька, положите его куда-нибудь!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как же я, Варюшенька, его положу, когда он от всякого шевеления выстрельнуть может?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вы это что же, мамаша, из нашей квартиры какую-то гражданскую войну устраиваете?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я чувствую, маменька, он начинает выстреливать.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Дети мои, кланяйтесь господину Сметаничу, я умираю, сейчас разорвется. *Рокяет револьвер на стул.*

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Кажется, мимо?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Куда он, мамаша, упал?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. На стул.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Теперь, мамаша, объясните, пожалуйста, откуда у вас огнестрельное оружие?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Мне его, Павлушенька, Тамара Леопольдовна принесла.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Это для чего же?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Для самозащиты платья, Павлушенька.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Платья?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Какого такого платья?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А такого, Павлушенька, платья, в котором в прежнее время все наше государство помещалось.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Где же оно теперь помещается, маменька?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. В сундуке, Варюшенька.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как же оно в нем помещается, маменька?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Теперь из него, Павлушенька, все государство вытряхнули.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Чье же это платье, мамаша?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вы спервоначала побожитесь, что никому не скажете, потому что я сама побожилась, что никому не скажу.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ей-Богу, маменька, не скажу.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мне божиться нельзя, теперь диктатура пролетариата.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Побожись, Павел, она не услышит.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ей-Богу, не скажу.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это платье, дети мои, государыни нашей и императрицы Александры Федоровны.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, какой сюрприз.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Простите меня за намек, мамаша, но вы врете.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вот как на исповеди, не вру. Хочешь, так сам посмотри.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, да оно совсем новенькое.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Только подмышками немного подержанное.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это царицинский пот, Варюша.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. От работы, должно быть?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что ты, Варюша, разве царицы какую работу рабotaют.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Тогда отчего же они потеют, мамаша?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. От молитв.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ох и смелая эта портниха наверное была, которая государыне шить не побоялась.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Дура ты, Варька, государыням портнихи не шьют.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А кто же?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Генеральша какая-нибудь, а, может быть, и княгиня даже.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Хотелось бы мне посмотреть, мамаша, как оно получается, когда в нем женщина.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Подобных женщин больше в России не держат.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А что если я?..

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ты?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Твоего сложения на такое платье не хватит.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я всегда обижалась на вас, мамаша, что я родилась невысокого роста.

Явление 12-ое

Входит НАСТЯ.

НАСТЯ. Вот вам, барышня, три кагора.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Настька, вытягивайся до отказа и не шевелись!

НАСТЯ. Что?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вытягивайся, говорю, до отказа: обратите внимание, мамаша, Настька будет как раз по мерке.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Зачем это нужно, Павлуша?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Для иллюзии императорской жизни, мамаша.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Мне, конечно, самой любопытно, только если узнают?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Мы всего на минутку оденем и спрячем.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не хорошо это как-то, Варюшенька. Женщина она грязная, происхождение у ней кухонное.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Грязная. Настька, возьми у меня в умывальнике духовитое мыло, я сейчас тебе уши вымою.

НАСТЯ. Зачем это нужно, барышня?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Для... как ты, Павлуша, сказал?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Для иллюзии императорской жизни.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Вот именно. Ну идем. *ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА с платьем и НАСТЯ уходят.*

Явление 13-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А знаешь, Павлушенька, мне Тамара Леопольдовна пенсию выхлопотать обещала.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. За что пенсию?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. За спасенье России.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как за спасенье России? Во-первых, коммунисты Россию спасти не позволят.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Кто же, Павлуша, их будет спрашиваться, когда не сегодня-завтра французы в Россию царя командируют.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как царя? Вы понимаете-ли, мамаша, о чем вы говорите. Если в Россию на самом деле какого-нибудь царя командируют, то меня тут же безо всяких разговоров повесят, а после доказывай, что ты не коммунист, а приданое.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А платье у нас на что?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, я протестую против этого платья всеми своими фибрами.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Но, Павел.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Если мы его сейчас же не истребим, то меня самого истребят.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Но, Павел, пенсия.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Зачем же мне, спрашивается, в мертвом виде ваша пенсия, маменька?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А если тебе за такое геройство каменный памятник высекут?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Высекут?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. За такое геройство обязательно высекут. В назиданье потомству. Все равно как первопечатнику какому-нибудь.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А меня с ним, мамаша, не спутают?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Тебя, Павел, ни с кем не спутают, у тебя очень фигура представительная.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Значит мне, маменька, в партию поступать нельзя?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как нельзя. А с чем же мы Вареньку замуж выдадим?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Но вы забываете, маменька, что при старом режиме меня за приверженность к новому строю могут мучительской смерти предать.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как же тебя предадут, если у тебя платье?..

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ну, следовательно, меня с этим платьем, при новом режиме за приверженность к старому строю могут мучительской смерти предать.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как же тебя предадут, если ты в партии?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, значит, я при всяком режиме бессмертный человек. Вы представьте себе, мамаша, какой из меня памятник может получиться. Скажем, приедут в Москву иностранцы. "Где у вас лучшее украшение города?" "Вот, скажут, лучшее украшение города." "Уж не Петр-ли это Великий?" "Нет, скажут, подымай выше, это Павел Сергеевич Гулячкин."

Явление 14-ое

Входит ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Платье-то на Настьке сошлось тютелька в тютельку.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, что ты говоришь. Где же она?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Сейчас выйдет.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А если бы сейчас настоящая императрица вышла, как с ней здороваться нужно - "здрaсте" или "мое почтение"?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Императрицам вместо "здрaсте" - "ура" говорят.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А как же ее называют, - матушкой?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это богородиц матушками называют, а императриц "Вашими Величествами".

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ну, скоро ты там?

ГОЛОС НАСТИ. Иду.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ведь вот собственная кухарка, а боязно.

Явление 15-ое

Входит НАСТЯ в платье императрицы, с веером.

ВСЕ. Ура, ваше величество.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну прямо как настоящая, прямо как настоящая.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. У меня от такого роскошества, маменька, даже спазмы в желудке сделались.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Настя, голубушка, пройдите по комнате, мы на вас с оборотной стороны поглядим.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, Настя, вы даже совершенно безо всякого вкуса ходите. Я когда в Малом театре английскую королеву видела, так она исключительно только вот таким образом на полу передвигалась. *Показывает.*

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А ну-ка попробуйте, Настя, вы.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Шлейф-то, шлейф-то у нее по земле волочится.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, позвольте, я. *Несет шлейф.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну прямо как настоящая, прямо как настоящая.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Если бы мне за него в мирное время держаться, ох и далеко бы я, маменька, ушел.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Павел, посадим ее на трон.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Садитесь, ваше величество. *Сажает НАСТЮ на стул.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну прямо как настоящая, как настоящая.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Если бы мы, маменька, настоящую на трон посадили, нам бы гастрономический магазин отдали.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А меня бы первым министром сделали...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Хотя бы околодочным, Павел, потому что при своем околодочном торговать очень хорошо: и законно и выгодно.

НАСТЯ. На чем это я сижу?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. На троне, ваше величество.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Караул! Спасайся кто может.

БРАТ И СЕСТРА. Что случилось?

НАСТЯ. Барыня, что с вами?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Настька, не шевелись, Христом Богом тебя заклиная, не шевелись, потому что ты на заряженном пистолете сидишь.

НАСТЯ. На пистолете? Граждане, убивают.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Настька, не ерзай!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Настя, сидите как вкопанная, пока вы ни нас ни себя не убили.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Если вы его, Настенька, пошевелите, он выстрелит.

НАСТЯ. Батюшки, погибаю.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не двигайся, я тебе говорю!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вы, Настя, тем местом, которым сидите, не чувствуете, в которую сторону он направлен?..

НАСТЯ. У меня, Павел Сергеевич, всякое место от страха обмерло.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, я под таким обстрелом существовать не могу. Необходимо сейчас же куда-нибудь переехать.

НАСТЯ. Что же вы, Павел Сергеевич, так здесь меня одну-одиношеньку на пистолете верхом и оставите?..

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Настенька, не дрожи! Настенька, не дрожи, потому что в нем семь зарядов.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Если бы только узнать, в какую он сторону может выстрелить.

НАСТЯ. Господи, я, кажется, чем-то курок нащупала.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Лезьте скорее под стул! Лезьте под стул, потому что он вдоль, а не вниз стреляет. *Залезают.*

НАСТЯ. Если вы чем-нибудь стул заденете, я взорвусь.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, это вы во всем виноваты.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Нет, это Варька, Павлушенька. Посадим ее, говорит, на трон - вот посадили.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А теперь она у нас, маменька, чуть на голове не сидит.

НАСТЯ. Ой!

ВСЕ. Ой!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, пусть меня похоронят с музыкой, ибо я погибаю под гнетом монархии. *Звонок.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Батюшки, звонят.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Наверное, господин Сметанич.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Святители, как же нам быть.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Настенька, милая, пока мы у тебя под стулом сидим, постарайтесь тихонько встать, он если и выстрелит, то, может быть, мимо.

НАСТЯ. Выстрелит? В таком случае вы лучше меня из другого пистолета убейте, а я с этого пистолета не сойду.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Батюшки, опять позвонили.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Маменька, что же нам делать?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Прикройте ее чем-нибудь поскорее, прикройте ее поскорей, а я пойду отопру. *Уходит.*

Явление 16-ое

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Варька, тащи сюда какую-нибудь занавеску или коврик какой-нибудь.

НАСТЯ. Павел Сергеевич, никак из-под меня даже порохом начинает пахнуть.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Закрывай ее лучше, лучше, говорю, закрывай!

НАСТЯ. Ой, задыхаюсь.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Задыхайся, только не шевелись!

Явление 17-ое

Входят НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ СМЕТАНИЧ и его сын ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Сюда, Олимп Валерианович, пожалуйста сюда.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Это что же, Надежда Петровна, у вас столовая?..

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Столовая, Олимп Валерианович, столовая. А вот это моя дочь Варюшенька.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Очень рад с вами, барышня, познакомиться.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, что вы - это такие пустяки.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Поздоровайся с Варварой Сергеевной.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Очень приятно.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, неправда.

НАСТЯ. Апчхи.

ВСЕ. Ой!

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что с вами, Надежда Петровна?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Помираю.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как помираете? Совсем?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да... то-есть нет... простите... Я, кажется, уже поправилась.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Мне показалось, как будто здесь кто-то чихнул?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ах, что вы, Валериан Олимпович, у меня дети воспитанные, они себе этого никогда не позволят.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Апчхи.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. То-есть, я хотела сказать, что это даже очень приятное развлечение.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Маменька, посмотрите, он к самому стулу подошел.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варька, молчи, пока не заметили. Олимп Валерианович, а вот мой партийный сын, Павлушенька.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ага, значит, вы уже поступили, молодой человек? Когда же вы поступили, молодой человек?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я, знаете, еще с тысяча девятьсот пятого года... намеревался, имел, так сказать, влечение, потому что, как сказал наш любимый учитель Энгельс...

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что сказал?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Это... ну... одним словом, он очень много сказал, всего не упомнишь.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ну, а скажите, молодой человек, как же вы в партию записались, по убеждению, или...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я не знаю, как, маменька?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Он у нас, Олимп Валерианович, по всякому может быть, как вам угодно.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ну, а протеже у вас, молодой человек, имеется?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Это как-с протеже?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Протеже... ну, как же вам объяснить... это... услужливое начальство.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Услужливое?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ну да. То-есть, такое начальство, которое, если у вас отобедает, то об этом при случае обязательно вспомнит.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Он у нас, Олимп Валерианович, с самим Уткиным знаком.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Это кто же такой, Уткин?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это один очень знаменитый человек, Олимп Валерианович. Можете ли себе представить, у него три родственника в коммунистах.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Они к нам сегодня придти обещали, Олимп Валерианович.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Придти? Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Сейчас же прикрепите к своему пиджаку значок Общества воздушного флота, а также постарайтесь здесь своих убеждений не высказывать.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Значок у меня есть, а вот убеждений у меня никаких нет. Я анархист.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Дети нашего круга, Надежда Петровна, всегда говорят лишнее, потому что они говорят то, что они слышат

от своих родителей. Но скажите, Надежда Петровна, зачем вы ковер вместо пола на кресле держите?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Олимп Валерианович, не прикасайтесь к нему, я вас умоляю, не прикасайтесь.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Почему же, Надежда Петровна?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Он... он... он очень грязный, и потом... пожалуйста в ту комнату, Олимп Валерианович.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Займи разговорами Варвару Сергеевну, я скоро вернусь. Идемте, Надежда Петровна, пожалуйста, Павел Сергеевич.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ах, что вы, пожалуйста раньше вы, а я уж лучше как-нибудь сзади. *НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ и ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ уходят.*

Явление 18-ое

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Скажите, мадмуазель, вы играете на рояле?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Пока еще как-то не приходилось.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. А вот вы обратили внимание, мадмуазель, что сделала советская власть с искусством?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, извиняюсь, не заметила.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Подумайте только, она приравняла свободную профессию к легковым извозчикам.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, какая неприятность.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я говорю это не в смысле имажинизма, а в смысле квартирной платы.

НАСТЯ. Он стреляет.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Что случилось? Кто сказал - стреляет?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это... это... это я.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вы? Где же и кто стреляет?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это... это... это у меня в пояснице стреляет...

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. В пояснице? Ну, а как вы находите, мадмуазель, теорию относительности Эйнштейна?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Она у нас в кинематографе шла, только Павел сказал, что это не драма, а видовая.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. А вы часто бываете в кинематографе?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как раз напротив, часто бывать неудобно.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Почему неудобно?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Среди посторонних мужчин и темно.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Подождите, кто это сопит?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Валериан Олимпович.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Что?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я... я... я хотела сказать...

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Что сказать?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. То-есть, я... я... я хотела спросить...

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Что спросить?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Господи, о чем же я буду спрашивать. Вот вы... вы... никакого пенсне не носите?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Нет, у меня очень здоровые глаза.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, какая досада. Мужчинам очень к лицу пенсне.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Но послушайте, опять кто-то сопит.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это... это я.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вы?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Пожалуйте в гостиную, Валериан Олимпович.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. А не лучше ли нам остаться в столовой, Варвара Сергеевна?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ради Бога, идемте в гостиную, Валериан Олимпович.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. В таком случае разрешите предложить вам свою руку, сударыня.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как это вы сразу, Валериан Олимпович, мне очень стыдно, но я согласна.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вы меня не так поняли, Варвара Сергеевна.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ничего подобного, Валериан Олимпович, я вас очень хорошо поняла, но только вы лучше бы об этом с моей маменькой переговорили.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вот это называется: влип. *Уходит.*

Явление 19-ое

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Какой он до невозможности страстный!

Явление 20-ое

Входят НАДЕЖДА ПЕТРОВНА и ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варвара, ты зачем Валериана Олимповича одного от себя отпустила?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, маменька, он мне сейчас предложение сделал.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Зачем ты, Варенька, до такой бесстыдной степени врешь?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Честное слово, не вру. Разрешите, говорит, предложить вам свою руку, сударыня.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Так и сказал?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Так и сказал.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Ну, а Настька что?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Сопит и чихает.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Настя, вы почему чихаете?

НАСТЯ. Как же мне не чихать, если вы меня в пыльный ковер завернули.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Потерпите еще немножечко, они скоро уйдут.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Только не шевелись, только не шевелись!

Явление 21-ое

Входит ДВОРНИК.

ДВОРНИК. Здравствуйте, товарищи.

ВСЕ. Здравствуйте, товарищ.

ДВОРНИК. Так что, значит, вас, Павел Сергеевич, в домовый комитет на собрание требуют.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. На собрание?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. По какому же поводу будет собрание?

ДВОРНИК. Так что, значит, насчет нашей помойки, товарищ, когда ее, значит, порешат вывозить, на этой неделе или на следующей?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, подайте мне мой портфель. Мне от общественной жизни отказываться нельзя, я пошел.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Тоже общественная жизнь: помойка.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мы ее, Варенька, только проголосуем, а вывозить ее будут другие. *Уходит с дворником.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Запри за ними, Варенька, дверь! *НАДЕЖДА ПЕТРОВНА и ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА уходят.*

Явление 22-ое

Входят ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ и ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Значит, вы, папа, требуете, чтобы я по-настоящему женился на этой мужичке?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Во-первых, она не мужичка, во-вторых, это не я требую, а обстоятельства.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Как же она не мужичка, когда она вежительно душится?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Пустяки, через день, через два она выветрится.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Допустим. Ну а то, что у ней в поясице стреляет, по-вашему это прилично?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Если бы она громко стреляла, я понимаю, а об этом говорить не приходится.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Но в конце концов она не нашего круга, она мне не партия.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Зато ее брат в партии.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Но та партия нам тоже не партия.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Тебе необходимо познакомиться с жизнью.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папа, ты говоришь так, как будто бы у нас нету средств.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. В этом-то и дело, что в прежнее время у нас были большие средства, и все из-за этого нас боялись, в нынешнее время у нас тоже большие средства, но мы сами из-за этого всех боимся. Этому надо положить конец, и я нашел средство.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Какое же, папа?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Приобрести собственного коммуниста.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Как же его, папа, приобрести?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Это зависит от тебя, Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. От меня?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Да, Валериан. Неужели тебе неизвестно, что Надежда Петровна дает в приданое за своей дочерью Павла Сергеевича?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. На что же такой человек может кому-нибудь пригодиться?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как на что. Да такой человек, как Павел Сергеевич, даже не человек, а охранная грамота. Если за меня нужно будет поручиться, он поручится, если за меня нужно будет похлопотать, он похлопочет, если меня нужно будет порекомендовать, он порекомендует, если мне нужно будет сапоги вычистить, он вычистит.

Явление 23-ье

Входят НАДЕЖДА ПЕТРОВНА и ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Присаживайтесь к столу, Олимп Валерианович, присаживайтесь к столу.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Звонок.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Наверное, коммунисты звонят.

ВСЕ. Коммунисты?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варька, убирай со стола кулебяку, а я пойду в дырочку погляжу. *Уходит.*

Явление 24-ое

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Валериан.
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.
 ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Посмотри на меня, у меня не очень приличный вид?
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Нет, папа, как всегда.
 ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Валериан.
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.
 ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Поправь на себе значок и напевай что-нибудь революционное.
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Что же мне напевать?
 ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Какую-нибудь песенку. Ну хоть "Вы жертвою пали".

Явление 25-ое

Входит НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Так и есть, коммунисты. Варька, перевертывай "Вечер в Копенгагене", а я "Верую, господи, верую" переверну.
 ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Маменька, у меня от страха все внутренности кверху дном перевертываются.
 НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Плевать мне на твои внутренности, когда нынче вся жизнь кверху дном переворачивается. Угодники. Снова звонят. Варвара, скорей убирай бутылки, а я пойду отворю, будь что будет.
 ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Стойте, Надежда Петровна, это дело не женское. Вы пока ступайте в те комнаты, а мы их вдвоем с Валерианом примем.
 НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, храни вас Бог, Олимп Валерианович. Если что, вы меня позовите. Даст Бог, Павлушенька скоро придет.
НАДЕЖДА ПЕТРОВНА и ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА уходят.

Явление 26-ое

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Жди меня тут. *Уходит. ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ поет.*

Явление 27-ое

Входят ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ, ШАРМАНЩИК, БАРАБАНЩИК и ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ И БУБНОМ.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Будьте любезны, товарищи, входите, входите пожалуйста. Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ты почему же не напеваешь?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Моя песенка спета.

БАРАБАНЩИК. Это и есть коммунисты, которым про родственников заливать?

ШАРМАНЩИК. Наверное они, видишь, значок.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Присаживайтесь, товарищи, пожалуйста, присаживайтесь. Скоро Павел Сергеевич придет.

ШАРМАНЩИК. Павел Сергеевич? Павлуша он для меня, господин хороший, Павлуша.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Разве, товарищ, вы его давно знаете?

ШАРМАНЩИК. Как же мне его, господин хороший, не знать, когда я у него самый родной дядя.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вы его дядя?

ШАРМАНЩИК. С самого что ни на есть рожденья. Кончишь, бывало, на заводе работу, ну, значит, сейчас к нему. Сидит это он, значит, у матери на коленях и материнскую грудь сосет. Ну, сейчас вот таким манером из пальцев рога сделаешь и скажешь: "Любишь ли ты, Павлушенька, рабочий класс?" Сейчас же сосать перестанет и скажет: "Люблю, говорит, дяденька, ой как люблю!" - и даже весь затрясется.

ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ И БУБНОМ. Уж до чего он сознательный с детства был, прямо никакого описания не выдумашь.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. А вы его тоже с детства знаете?

ЖЕНЩИНА. Как же мне его, голубчика, не знать, если я ему самая близкая тетка.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Пустяки родственники у моей невесты.

ЖЕНЩИНА. Бывало, с ним мимо фабрики не пройдешь, так ручонками в стенку и вперится.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Простите, товарищи, я вас на одну минутку оставляю. Валериан!

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Меня удивляет, почему нам Надежда Петровна не сказала, что эти коммунисты ее родственники. Надо ее разыскать. *ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ и ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ уходят.*

Явление 28-ое

ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ И БУБНОМ. Здоровую мы им пушку залили.

БАРАБАНЩИК. Да, за это теперь и за галстук залить не мешает.

ШАРМАНЩИК. А вот и барышня.

Явление 29-ое

Входит ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Как, вы уже здесь?

ШАРМАНЩИК. Здесь, сударыня, здесь.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А где же товарищи коммунисты?

ШАРМАНЩИК. Мы их уже обработали, сударыня, так что теперь и за кулебяку приняться можно.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Подождите, сейчас мамаша придет. *Уходит.*

Явление 30-ое

Входит НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Здравствуйте, товарищи.

ВСЕ. Здравствуйте, хозяйка.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Хорошо-ли, товарищи, побеседовали с Валерианом Олимповичом?

ШАРМАНЩИК. Побеседовать первый сорт побеседовали, теперь не мешает и горло промочить.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я сейчас вам водицы, товарищи, принесу.

ШАРМАНЩИК. Что водицы? Как водицы? Вы что же над нами, мадам, смеетесь?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как же я осмелюсь над вами смеяться, товарищи.

ШАРМАНЩИК. Вы как, мадам, уговаривались, так и давайте: с перво на перво кулебяка, а потом по бутылке на брата.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что вы, товарищи, у нас отроду никаких кулебяк не бывало, а вина этого проклятого даже в глаза никогда не видела. Слышать слышала, а встречать никогда не встречала.

ШАРМАНЩИК. Как не встречали?

НАСТЯ. Ой, на мозоль наступили.

ШАРМАНЩИК. Это еще что?

НАСТЯ. Не троньте меня, или я выстрелю.

ВСЕ. Караул, стреляют. *Звонок.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Батюшки, попались.

Явление 31-ое

Входит ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Маменька, Тамара Леопольдовна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Тамара Леопольдовна? Караул, помираю.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Господа, идите в ту комнату, идите в ту комнату. *ШАРМАНЩИК, БАРАБАНЩИК и ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ уходят.*

Явление 32-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Настька, сейчас же вставай со стула!

НАСТЯ. Убейте меня, не слезу.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Настенька, он если и выстрелит, то в это место не больно.

НАСТЯ. Не могу, Варвара Сергеевна, ей-Богу, не могу.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варька, тащи два ведра воды! *ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА убегает.*

Явление 33-ье

НАСТЯ. Зачем же воды, барыня?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Мы сейчас под тобой порох подмачивать будем. Говорят, что подмоченные пистолеты безвредны. Батюшки, опять позвонили!

Явление 34-ое

Входит ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА с ведрами.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Тащи их сюда! Скорей! Скорей! Стой, наливай под Настьку!

НАСТЯ. Барыня, я захлебнусь!

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Настька, дыши носом, тогда не захлебнешься!

НАСТЯ. Спасите, тону! Тону! Потопаю!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Должно быть, теперь подмок. Настька, вставай! Тащи ее за руки, тащи ее за руки! Так. Лезь в сундук!

НАСТЯ. Как в сундук?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Лезь, тебе говорят!

НАСТЯ. Барыня, я вся отсырела.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Там высохнешь. *Сажают ее в сундук.* Нагибай голову, нагибай. Варвара, запирай сундук, а я пойду отпереть Тамаре Леопольдовне. *Уходит. ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА запирает сундук и уходит.*

Явление 35-ое

Входят НАДЕЖДА ПЕТРОВНА и ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Я так волновалась, я так волновалась!

Скажите, с ним никакого несчастья не вышло?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Целехонько, Тамара Леопольдовна, целехонько.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах покажите, Надежда Петровна!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Неужели вы мне не верите, Тамара Леопольдовна?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, я волнуюсь, Надежда Петровна!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Здесь очень много посторонних, Тамара Леопольдовна, но вот кончик высовывается, посмотрите!

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Ах, счастье какое. А уж я так волновалась, уж я так волновалась.

Явление 36-ое

Входит ИВАН ИВАНОВИЧ.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Милиция, милиция, милиция!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вы зачем это, Иван Иваныч, в столовой комнате выражаетесь? Здесь люди кушают, а вы выражаетесь.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ваши интонации все равно не помогут. Сейчас сюда милиция придет.

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Караул, милиция!

Явление 37-ое

Входят БАРАБАНЩИК, ШАРМАНЩИК, ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ, ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ, ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ, ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА.

БАРАБАНЩИК. Кто говорит - милиция?

ШАРМАНЩИК. Что милиция?

ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ. Какая милиция?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Что случилось?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. В чем дело?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я сейчас же, Иван Иванович, в другую часть позвоню.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Вашей части в республике нету.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Кто это такой?

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Наверное, комиссар, видите, какая шапка.
 ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Милостивый государь, начинайте играть! Это
 жилец, которого мы выживаем.
 ШАРМАНЩИК. Ребята, начинай!

*Музыка играет. Все, кроме ТАМАРЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ и ВАЛЕРИАНА ОЛИМ-
 ПОВИЧА с криками:*

Милиция, милиция, милиция!
 Спасите, спасите, спасите!
 Играйте, играйте, играйте!

уходят.

Явление 38-ое

ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Молодой человек, вы в Бога верите?
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Приблизительно.
 ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Спасите женщину! Унесите этот сундук!
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Этот сундук? А что в нем такое?
 ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Молодой человек, я вам открываю государ-
 ственную тайну. В этом сундуке помещается все, что в России
 от России осталось.
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Ну, значит не очень тяжелый.
 ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Я умоляю вас, спасите его, или все про-
 пало.
 ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Хорошо, я попробую.
 ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Только бы до извозчика донести. *ТАМАРА
 ЛЕОПОЛЬДОВНА и ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ уносят сундук.*

Явление 39-ое

*Возвращаются ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА, НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ОЛИМП ВАЛЕ-
 РИАНОВИЧ, ИВАН ИВАНОВИЧ, ШАРМАНЩИК, БАРАБАНЩИК, ЖЕНЩИНА С ПО-
 ПУГАЕМ И БУБНОМ. Все с музыкой танцуют.*

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Играйте, играйте, сильнее! Танцуйте, госпо-
 да, танцуйте, мы его выживем.
 ИВАН ИВАНОВИЧ. Что, Надежда Петровна, испугались? Вы думаете,

в Советской Республике никакого закона нету? Есть, Надежда Петровна, есть. Ни в одном государстве живого человека в молочной лапше потопить не позволят. Вы думаете, Надежда Петровна, если вы вдвоем с граммофоном молитесь, то на вас и управы никакой нету? Нынче за контрреволюцию и граммофон осудить можно.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Вы насчет контрреволюции потише, товарищ, у нее сын коммунист.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Коммунист? Пусть же он в милиции на кресте присягнет, что он коммунист.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что это значит, Надежда Петровна?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Он, кажется, еще не записался, но он запишется, Олимп Валерианович.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Не записался? Значит, вы меня обманули, Надежда Петровна? Провокаторша вы, Надежда Петровна.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Именно провокаторша.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Где у вас приданое, Надежда Петровна?

ШАРМАНЩИК. Где у вас кулебяка, Надежда Петровна?

БАРАБАНЩИК. Обманщица вы, Надежда Петровна.

ЖЕНЩИНА. Жульница вы, Надежда Петровна.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Домовладелица вы, Надежда Петровна. Вот кто.

Явление 40-ое

Входит ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Силянс! Я человек партийный.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Теперь я этого, Павел Сергеевич, не испугаюсь.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как не испугаетесь? А, может быть, я с самим Луначарским на брудершафт пил.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Какой же вы, Павел Сергеевич, коммунист, если даже у вас бумаг нету? Без бумаг коммунисты не бывают.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вам бумажка нужна, бумажка?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Нету ее у вас, Павел Сергеевич, нету.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Нету?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Нету.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А мандата не хочешь?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Нету у вас мандата.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Нету? А это что?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Мандат. *Все разбегаются.*

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, держите меня, или я всю Россию с этой бумажкой переарестую.

Явление 41-ое

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Батюшки, сундук утащили.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Сундук?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А в сундуке, Павлушенька, платье.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. А в платье, маменька, Настька.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Зачем же вам, маменька, это платье, если у меня мандат?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Неужто у тебя, Павел, и взаправду мандат?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Прочтите, мамаша, тогда узнаете.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ман-дат. Ой, я лучше не буду.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Читайте, мамаша, читайте!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА *читает*. "Дано сие Павлу Сергеевичу Гулячкину в том, что он действительно проживает в... что подписью и печатью удостоверяется."

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Читайте, мамаша, дальше.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Председатель домового комитета Павел Сергеевич Гулячкин.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Копия сего послана товарищу Сталину.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната в квартире Сметанича.

Явление 1-ое

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Где мои "Русские ведомости", Агафангел?

Явление 2-ое

Входит АГАФАНГЕЛ.

АГАФАНГЕЛ. Здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ты что же это? А?

АГАФАНГЕЛ. Виноват, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что виноват?

АГАФАНГЕЛ. Не могу знать, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как не могу знать?

АГАФАНГЕЛ. Никак не могу знать, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Где мои "Русские ведомости"?

АГАФАНГЕЛ. Так что погибли, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как погибли?

АГАФАНГЕЛ. Совершенно, ваше превосходительство. Так что даже притронуться невозможно.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Почему невозможно?

АГАФАНГЕЛ. Потому, как от печати одна дырка осталась, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Дырка?

АГАФАНГЕЛ. Дырка, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Отчего бы это могло?

АГАФАНГЕЛ. Закон природы, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Закон? Нету такого закона. Вот я, к примеру сказать, не молод, однако и ни с какой стороны не дырка.

АГАФАНГЕЛ. Вас с газетой равнять не приходится, ваше превосходительство. Вы все-таки вроде как человек.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ты мне очки не втирай. Ты лучше мне прямо скажи: ты, может быть, как-нибудь не того...

АГАФАНГЕЛ. Никак нет, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что того?

АГАФАНГЕЛ. Не могу знать, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Зачем же ты мне говоришь: того?

АГАФАНГЕЛ. Из-за усердия, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Я тебе русским языком говорю, ты, может быть, как-нибудь не того, - сам ее после меня прочитывал? Уж не занялся ли ты, Агафангел, политикой?

АГАФАНГЕЛ. Зачем же мне, ваше превосходительство, политика, если я на всем готовом живу?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну, так, может быть, как-нибудь по-небрежному с ними обращался?

АГАФАНГЕЛ. Никак нет, ваше превосходительство. Каждое утро мокрой тряпочкой вытирал.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Странно. Отчего же она погибла? А какой по виду был крепкий экземпляр. Какая была печать. Опять же и мысли и твердый знак. А почему? Люди были великие. Ну вот скажем к примеру - Сытин. Печатал газету "Русское слово", и как печатал. Трехэтажный дом для газеты построил и во всех этажах печатал. Зато, бывало, как мимо проедешь, сейчас же подумаешь: вот оно - оплот Российской империи, трехэтажное русское слово. Агафангел.

АГАФАНГЕЛ. Здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что же я буду теперь делать?

АГАФАНГЕЛ. Разрешите предложить, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что предложить?

АГАФАНГЕЛ. "Всемирную иллюстрацию", ваше превосходительство. Со снимками.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Наверное, какая-нибудь дрянь?

АГАФАНГЕЛ. Так точно, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. А ну-ка прочти, а то я без очков не могу.

АГАФАНГЕЛ. С первой страницы, ваше превосходительство?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Читай с первой.

АГАФАНГЕЛ. Портрет, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Чей?

АГАФАНГЕЛ. Его Величества государя императора, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Смирно. Подай очки. Где ты его достал?

АГАФАНГЕЛ. В уборной, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. А там еще никого не было?

АГАФАНГЕЛ. Был, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Кто?

АГАФАНГЕЛ. Бельгийский король Альберт среди своего народа в красках, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Где же он?

АГАФАНГЕЛ. Так что не досмотрел и использовал, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Истинно можно сказать - король-страдалец. Подай платок и читай дальше.

АГАФАНГЕЛ. Верховный Главнокомандующий Николай Николаевич под ураганным огнем неприятеля пробует щи из котелка простого солдата.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Где теперь такие герои? Подумать только, какой пример. Каждую минуту мог умереть, но не дрогнул и пробовал щи под огнем неприятеля. Что ты на это? А?

АГАФАНГЕЛ. Так точно, ваше превосходительство, мог умереть. Потому как солдатские щи хуже всякой отравы, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Агафангел.

АГАФАНГЕЛ. Здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Сейчас разведешь клей. Надобно эти картинки на какой-нибудь толстый картон наклеить. Теперь ни за что отвечать нельзя. Того и гляди, что на место Верховного Главнокомандующего тоже какая-нибудь дырка окажется.

АГАФАНГЕЛ. Слушаюсь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. погоди. Когда на картон наклеишь, вы-

суши и по утрам подавай мне за кофеем. Буду читать. Не могу без политики. Всю жизнь по утрам интересовался политикой. Ступай! АГАФАНГЕЛ уходит.

Явление 3-ье

Вбегает АНАТОЛИЙ.

АНАТОЛИЙ. Какую я интересную новость узнал. Какую я интересную новость узнал!

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Какую новость?

АНАТОЛИЙ. Оказывается, никакого Бога не бывает.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как не бывает?

АНАТОЛИЙ. Очень просто, совсем не бывает.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. А кто же, позвольте узнать, вместо Бога у нас, молодой человек?

АНАТОЛИЙ. Водород.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что?

АНАТОЛИЙ. Вообще всякие газы.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Это еще откуда?

АНАТОЛИЙ. Это нам, дядюшка, в школе на туманных картинках показывали, как теперь не бывает Бога.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Не бывает. Ну, а позвольте спросить у вас, молодой человек, откуда же все, что мы видим, вышло?

АНАТОЛИЙ. Из природы.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну, а вся природа откуда произошла?

АНАТОЛИЙ. Из воздуха.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну, а воздух откуда же вышел?

АНАТОЛИЙ. Из... не знаю...

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот. Не знаю. Из Бога!

АНАТОЛИЙ. Ну, дядюшка, если из Бога весь воздух вышел, значит его и на самом деле не существует.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Я, дядюшка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Больше ты в школу ходить не будешь.

АНАТОЛИЙ. Урра! Не учиться.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ты, Анатолий, уже не маленький. Пора тебе стать человеком.

АНАТОЛИЙ. Каким человеком, дядюшка?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Каким человеком? Агафангел.

Явление 4-ое

Входит АГАФАНГЕЛ.

АГАФАНГЕЛ. Здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Открой!

АГАФАНГЕЛ сжимает простыню с манекена в генеральском мундире.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот каким человеком.

АНАТОЛИЙ. Как же им, дядюшка, станешь?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. А вот я с тобой позаймусь, и станешь.

С-та-а-нов-и-ись! Вот, погоди, старое время придет.

АНАТОЛИЙ. А когда же к нам, дядюшка, это старое время придет?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Когда оно к нам придет? Надо самим до него дойти.

АНАТОЛИЙ. В таком случае, дядюшка, идемте скорее.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Шагом марш! А я посижу. Стал уставать.

Годы. Агафангел.

АГАФАНГЕЛ. Здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Запевай!

АГАФАНГЕЛ и АНАТОЛИЙ маршируют и поют.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Если бы нас увидел Николай Николаевич, он бы заплакал. Агафангел!

АГАФАНГЕЛ. Здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. А если бы ты увидел Николая Николаевича, что бы ты? А?

АГАФАНГЕЛ. Заплакал бы, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Молодец.

АГАФАНГЕЛ. Рады стараться, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Сотню таких молодцов, как мы, да если бы спереди Николай Николаевич... Только странно, отчего он так долго не едет. Заждались мы его... Заждались.

Явление 5-ое

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ и ИЗВОЗЧИК вносят сундук.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Осторожнее, осторожнее. Опускайте его, опускайте. Так, благодарю вас. *ИЗВОЗЧИК уходит.*

Явление 6-ое

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, дядюшка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Для чего ты сюда притащил эту штуку?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Ничего подобного.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что ничего подобного?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я ее, дядюшка, не притащил, а спас.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как спас?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вы, дядюшка, все равно ничего не поймете.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Почему не пойму?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Потому, что я сам ничего не понимаю.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как же ты, Валериан, не поймешь того, что ты сам делаешь?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, дядюшка, никогда сам ничего не делал.

Я анархист. А потом посудите сами: ни с того, ни с сего вбе-
гает какой-то молодой человек в горшке.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. В чем?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. В горшке. И изо всей силы кричит милицию.
Тогда один коммунист берет барабан и начинает его колотить
палкой.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Эти коммунисты настоящие звери. Ну, а
потом?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Потом почему-то вся публика убегает с этим
горшком в другую комнату, а какая-то незнакомая дама падает
передо мною на колени.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. На колени?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Да.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот они, советские дамы.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Наоборот, дядюшка, вполне приличная.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Приличная? Что же может хотеть от тебя приличная дама?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Видите ли, дядюшка, она мне открыла одну государственную тайну.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Государственную? В чем же она заключается?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. В сундуке, дядюшка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. В сундуке? Что же в нем такое?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. В этом простом сундуке помещается все, что от России в России осталось.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что же от нее, Валериан, осталось?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, дядюшка, не знаю, он заперт. Я думал, что вы мне об этом скажете, вы все-таки, дядя, у нас политик.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что же от нашей России осталось? Вчера оставались "Русские ведомости", а сегодня всего одна дырка осталась.

АНАТОЛИЙ. Так и есть, дырка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Где дырка?

АНАТОЛИЙ. Я не знаю, а только из него течет.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Течет? И в самом деле течет.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну, значит там или животное какое-нибудь, или какой-нибудь человек.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Как по-вашему, дядюшка, какое же это животное или человек от России остался?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Какое животное или человек? Вот я, например.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. А еще?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ты. Вот тоже еще патриарх Тихон также в России от России остался.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Он то, дядюшка, от России остался, зато в нем, дядюшка, от России ничего не осталось.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Да, много воды утекло.

АНАТОЛИЙ. Еще одна дырка, дядюшка. И в эту тоже течет.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. А вдруг там, действительно, дядюшка, какой-нибудь человек? Тс... Простите, вы человек?

ГОЛОС НАСТИ. Нет, я женщина.

ВСЕ. Женщина.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Дядюшка, какая же это женщина могла от России остаться?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Рассказывал как-то знакомый полковник, что будто бы встретил в Крыму на пляже одну из великих княжен.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Какую же, дядюшка?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Анастасию, Валериан, Николаевну. Только мне что-то не верится, полковник от роду был близорук, однажды сам себя принял за генерала.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Все-таки, дядюшка, надо узнать. Послушайте, не сочтите меня назойливым, как вас зовут?

ГОЛОС НАСТИ. Настя.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Как?

ГОЛОС НАСТИ. Анастасия.

ВСЕ. Она.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Боже мой, она. Господи, что же мы будем делать?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Может быть, это другая. Я сейчас задам ей вопрос.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Задам. А если это она, как же можно великой княжне задавать? Этого даже по уставу не полагается.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я задам ей такой вопрос, как будто бы я ничего не знаю. Сударыня, совсем между прочим, как ваше отчество?

ГОЛОС НАСТИ. Николаевна.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Агафангел.

АГАФАНГЕЛ. Я здесь, Автоном Сигизмундович.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Держи меня!

Явление 7-ое

Входит ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Господа, говорят, в Польше опять что-то делается против советской власти.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что значит в Польше, когда ты не знаешь, что у тебя в доме делается.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Не понимаю.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папа, простите меня, но я спас Россию.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как спас Россию?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Совершенно случайно.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Он спас одну из великих княжен, Олимп.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Да, Олимп.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Анастасию Николаевну, папа.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Анастасию Николаевну? Не может быть.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Как же не может быть, если она сама сказала.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Но позвольте, где же она?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот, Олимп, в сундуке.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. В сундуке? В таком случае ее надо освободить.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Необходимо устроить встречу.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Встречу? Дядюшка, я сейчас. *Уходит.*

Явление 8-ое

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. А вы, господа, не ошиблись? Вы уверены, что это она?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Зачем же, спрашивается, живую женщину держать под замком, если она не княжна или что-нибудь в этом роде?

Явление 9-ое

Возвращается ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ с французской булкой и солью.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Валериан.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Я, дядюшка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Это ты для чего?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Это, дядюшка, хлеб с солью, для встречи. Жалко только, что булка вчерашняя.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Зато хорошо, что она французская. По моему, это ей будет приятно. В конце концов, в настоящее время, Валериан, французы - это единственные русские патрио-

ты. Встань, Валериан, сюда. А ты, Анатолий, возьми цветок, все-таки будет немного торжественнее.

АНАТОЛИЙ. Вот, дядюшка, кактус.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Господи, какая минута. Подумать только, что сейчас перед нами предстанет вся наша будущность!

АНАТОЛИЙ. Дядюшка, открывайте скорей, а то она вся вытечет.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Готовы ли вы, господа?

ВСЕ. Готовы.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Открываю.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Дядюшка, вы знаете, что вы открываете?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Новую страницу истории.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Агафангел.

АГАФАНГЕЛ. Я здесь, Автоном Сигизмундович.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Встань шпалерами. Смирно! *Открывает.*

НАСТЯ *вылезает*. Где же это я?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. У верноподданных слуг, ваше высочество.

НАСТЯ. Вы, господин, ошибаетесь.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Готов присягнуть, ваше высочество.

НАСТЯ. Ах, что вы.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Поверьте, ваше высочество, если бы мы знали, ваше высочество, что вы находитесь все время в Москве...

НАСТЯ. Ах, даже как раз напротив, я только недавно приехала.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Одни, ваше высочество?

НАСТЯ. Вы, сударь, все время изволите ошибаться.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Простите, ваше высочество. С кем же?

НАСТЯ. Вот чудак. С дядей.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как? Значит, великий князь Михайил Александрович тоже изволил прибыть в Москву? Ура!

ВСЕ. Ура!

НАСТЯ. Ой!

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ваше высочество, что с вами?

НАСТЯ. Мне кажется, я вся отсырела.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папа, ей дурно.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Держите ее, держите!

АНАТОЛИЙ. Как раз на кактус упала. Смотрите, она вся мокрая.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Необходимо сейчас же ее раздеть, иначе она простудится.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папа, позвольте мне.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как тебе не стыдно, Валериан, говорить о таких вещах? Ты, Валериан, не маленький.

АНАТОЛИЙ. В таком случае, дядя, позвольте мне, я маленький.

АВТОНОМ СИНИЗМУНДОВИЧ. Анатолий, оставь свои неприличия! Этим займусь я. Не забудьте, здесь дело идет о спасении России.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Но, позвольте. Россию спасал я, отчего же раздевать ее будут другие?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Спасал? Как ты ее спасал? Как трус, на извозчике. А я...

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Не забывай, Автоном, что это я первый сказал, что ее надо освободить.

АНАТОЛИЙ. Но, папа, все это дело в дырке, а дырку заметил я.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. При чем здесь дырка, когда это я?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Нет, я.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Нет, я.

ВСЕ. Нет, я.

АГАФАНГЕЛ. Автоном Сигизмундович.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что тебе?

АГАФАНГЕЛ. Так что от нее скоро одно место мокрое останется.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что же мы делаем, господа. Отнесите ее в постель. *Все, кроме ОЛИМПА ВАЛЕРИАНОВИЧА, поднимают НАСТЮ.*

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Подумать только, что раньше таких людей вся Россия переносила, теперь только четверо человек переносят. *Уносят.*

Явление 10-ое

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ *у телефона.* Если бы я не видел ее собственными глазами, я бы никогда не поверил. - 5-16-64. Благодарю вас. Степан Степанович? Степан Степанович, из самых достоверных источников. Сейчас же бросайте все, что вы делаете, и начинайте скупать кредитки. Что? Царские кредитки. Да нет же, совершенно здоров. Я вам говорю из самых достоверных источников. Не могу. Вы прекрасно знаете, что на каждом проводе сидит комиссар. Ну хорошо, я вам скажу по-немецкому, они мужи-

ки и, конечно, по-немецкому не понимают. Ну так слушайте. Сейчас. Сейчас. Фу, чорт, как на зло забыл это слово, а ведь учил. Одним словом, приехали в Москву... В Москву, понимаете? Ну вот, в Москву. Грос великая фюрстинг... фюрстинг. Великая княжна, понимаете? Анастасия Николаевна, это так и по-немецкому будет. Унд... унд... и, понимаете, и... унд грос фюрстинг. Опять же грос... грос... великий... великий князь, понимаете? Михель... Михель... Ну, Михаил, понимаете? Ну вот, Михаил Александрович. Поняли? Только, пожалуйста, никому ни слова. - В конце концов, образование всегда может спасти человека.

Явление 11-ое

Возвращаются АГАФАНГЕЛ с платьем, АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ, ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Тсс. Ее высочество спит.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Господа, пока ее высочество спит, давайте все вместе выясним, что мы намерены делать дальше.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. По-моему, папа, нам нужно ходить на цыпочках.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. А по-моему, ты сегодня же должен жениться на Варваре Сергеевне. Теперь нам каждую минуту может понадобиться собственный коммунист.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Хорошо, папа, но только с одним условием.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. С каким условием?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Пусть Варвара Сергеевна сделается моей содержанкой.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как содержанкой, когда ты с ней венчаться должен?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вы меня, папа, не так поняли. На самом деле она будет моя жена - знакомым своим я стану выдавать ее за свою содержанку, чтобы не было стыдно.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Пожалуй, это будет приличней. Звонок телефона. Ну, что там еще? - Слушаю. А, это вы, господин Ильинкин. Что? Можно ли верить Степану Степановичу? Что? Кредитки?

Скупайте, скупайте! Да. В каком угодно количестве. Что? Очень. Очень советую. Да, приехали. Из самых достоверных источников. Наверное скоро кончится. Только, пожалуйста, никому ни слова. Всего хорошего. - Ну, Валериан, или приготовься, а я пошлю за Надеждой Петровной. *ВАЛЕРИАН уходит. АГАФАНГЕЛ во время этого разговора уносит сундук в следующую комнату.*

Явление 12-ое

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Знаешь, Олимп, по-моему, ее императорскому высочеству необходимо на время переменить фамилию. А то станешь ее прописывать, вдруг домком догадается.
ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Да, фамилия популярная.

Явление 13-ое

Входит НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Олимп Валерианович, не верьте ему, окаянному, ей-Богу, не верьте.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что случилось, Надежда Петровна?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. В чем дело?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Олимп Валерианович, если он вам говорил, что он честный человек, то это исключительно одна бутафория.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Кто говорил? Ничего не понимаю.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Иван Иванович.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Какой Иван Иванович?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Иван Иванович Широнкин, жилец наш.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну, так что же он?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я, говорит, Надежда Петровна, знаю, что ваш сын никакой не коммунист, потому что он от паразитов произошел. Я девятнадцать лет в полном законе с супругом жила, а он мне, представьте себе, заявляет, что у меня сын от паразитов произошел. Зачем же вы, говорю, Иван Иванович, про моего отпрыска такую возмутительную легенду распространяете? Я, говорит, любому гражданину могу доказать, что ваш сын элемент

паразитский, потому что он нигде не работает. А зачем же ему работать, если он по профессии безработный? Все-равно, говорит, докажу.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Какому же, простите за выражение, идиоту он хочет такие вещи доказывать?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вам, Олимп Валерианович, вам. Только вы не верьте ему, Олимп Валерианович, ей-Богу, не верьте.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Я, Надежда Петровна, даже слушать его не стану.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Кто же будет, Олимп Валерианович, слушать, что у меня Павлуша не коммунист, если вы, Олимп Валерианович, сами видели, у него настоящий мандат имеется. И до чего серьезный мандат. Вы мне верите или нет, я всю ночь уснуть не могла. Все, Олимп Валерианович, думала, а вдруг арестуют, а вдруг арестуют.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Это как же. За что же он мать арестует?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вы, Автоном Сигизмундович, даже не знаете, до чего он ужасно идейный. У него эта идея, Автоном Сигизмундович, вроде запоя - подходи, говорит, всех переарестую. Не иначе, как это у него по отцовской линии - тот, бывало, как выпьет, пустите меня, говорит, за границу - я всех немцев переколочу.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Это за что?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Пусть, говорит, переходят в русскую веру.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Неужели ваш сын до того свиреп?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Свиреп, Автоном Сигизмундович, свиреп. Но с начальством, Автоном Сигизмундович - птица.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Какая птица?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Голубь, Автоном Сигизмундович, голубь. И даже не голубь - цапля.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Почему цапля?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. На одной ножке стоит, Автоном Сигизмундович.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Мне ваш сын, Надежда Петровна, понравился.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Для вас старалась, Олимп Валерианович. А уж Варя моя, Олимп Валерианович, из-за вашего сына аппетита лишилась. Если она за обедом, Олимп Валерианович, Валериана Олимповича вспомнит, так у ней даже самый вкусный кусок попе-

рек горла становится. Мамаша, говорит, много я видела на свете ужасно красивых людей, но Валериан Олимпович всех ужасней. ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. В таком случае, Надежда Петровна, зачем же нам свадьбу откладывать?

НАДЕЖДА ПЕТРОВА. А. Олимп Валерианович, голубчик, неужели же вы решились?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. И сегодня же, Надежда Петровна, сегодня. Только с одним условием.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. С каким же условием, Олимп Валерианович?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Чтобы сын ваш, Надежда Петровна, к нам сегодня же жить переехал.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не только сын, Олимп Валерианович, все поедем.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ой, как вы меня испугали. Нет, Надежда Петровна, зачем же все?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не извольте беспокоиться, Олимп Валерианович, это нам никакого труда не составит, только вещи возьмем и приедем.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Вещей он может не брать, пусть приедет с одним мандатом.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Он у нас без мандата, Олимп Валерианович, шага не делает. Нынче утричком в баню ходил, так и то говорит - в правой руке, говорит, веник, а в левой руке, говорит, мандат. Так, говорит, и мылся. Пусть, говорит, на меня и на голого как на начальника смотрят.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ну, значит, я жду вас, Надежда Петровна... Послушай, пожалуйста, ты, Автоном... Ну, с Богом, Надежда Петровна, пора.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Бегу, Олимп Валерианович, бегу.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Вы как-нибудь там поскорее, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Моментом, Олимп Валерианович, моментом, как... лошадь. *Уходит.*

Явление 14-ое

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ну что, Автоном?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ *у телефона*. Это, Олимп, - Зархин.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. В чем дело?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Олимп, он советует тебе покупать кредитки.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Какие кредитки?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Спрашивает, какие. Царские? Олимп, царские. Да. Да, слушаю. Олимп, он просит тебе передать, что в Москву приехал... Кто, кто приехал? Великий князь Михаил Александрович? Великий князь Михаил Александрович. Что? Что? Олимп, и Анастасия Николаевна. Конечно. Конечно. Будьте покойны. Олимп, он просит тебя, чтобы ты никому ни слова.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ну, если сам Зархин говорит, следовательно, что правда. *Уходят.*

Явление 15-ое

Входит ИВАН ИВАНОВИЧ.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как жаль, что я не кончил никакого университета. В разговоре с таким человеком, как Олимп Валерианович, это очень бы пригодилось. Кажется, кто-то идет.

Явление 16-ое

Входит НАСТЯ.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ах, какой пейзаж.

НАСТЯ. Куда же девалось платье?

ИВАН ИВАНОВИЧ. В одной простыне, как нимфа. Что же мне, собственно, делать?

НАСТЯ. Ах, не смотрите!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Сударыня, не считайте меня за нахала, что вы не одеты.

НАСТЯ. Скажите пожалуйста, я думала, что мужчина какой-нибудь, а это, Иван Иванович, вы.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Анастасия Николаевна, как вы сюда попали?

НАСТЯ. Между прочим, я даже не знаю, где я.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как же вы, Анастасия Николаевна, не знаете, где вы, когда вы здесь, как свой человек, голая ходите.

НАСТЯ. А чем же я, Иван Иванович, виновата, когда мое платье как в воду кануло?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как в воду кануло?

НАСТЯ. Вы, конечно, мне можете не поверить, но я утопленница.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Утопленница? Где вы утонули?

НАСТЯ. На стуле.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Если вы меня, Анастасия Николаевна, за дурака считаете, то вы этим меня убедить не можете.

НАСТЯ. Я, можно сказать, Иван Иванович, в бедственном положении, а вы мне подобную недоверчивость выражаете.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Простите меня, Анастасия Николаевна, но каким вы манером сюда попали?

НАСТЯ. Каким манером? Половину пути на извозчике, половину пути на руках.

ИВАН ИВАНОВИЧ. На руках? Да что вы, Анастасия Николаевна, актриса, что ли? На руках это только в театрах ходят.

НАСТЯ. Во-первых, актрисы на своих руках ходят, а я на чужих.

ИВАН ИВАНОВИЧ. На чужих?

НАСТЯ. На чужих.

ИВАН ИВАНОВИЧ. По улицам?

НАСТЯ. По улицам.

ИВАН ИВАНОВИЧ. И вы в простыне были?

НАСТЯ. Что я, нахалка, что ли?

ИВАН ИВАНОВИЧ. А в чем же?

НАСТЯ. В сундуке.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ничего не понимаю. Вы мне лучше, Анастасия Николаевна, расскажите все по порядку.

НАСТЯ. Вот вам, Иван Иванович, по самому по порядку. Сначала меня нарядили в очень роскошное платье, потом меня намочили, потом посадили в сундук и притащили сюда.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ничего не понимаю. Ну, а здесь что же с вами, скажите, сделали?

НАСТЯ. Раздели и положили в постель.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Теперь мне, Анастасия Николаевна, все понятно. Вы вступили на путь разврата.

НАСТЯ. Ну, что вы говорите.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Ей-Богу.

НАСТЯ. Скажите, какая неприятность.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Так и знайте, Анастасия Николаевна, что ваша Надежда Петровна поставщица живого товара.

НАСТЯ. Я этому даже никогда не поверю.

ИВАН ИВАНОВИЧ. А зачем же ей, спрашивается, целомудренных девственниц в сундуки упаковывать и к посторонним мужчинам переправлять?

НАСТЯ. Что же они со мною, Иван Иванович, сделают?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Не иначе, как вас Олимп Валерианович хочет сделать своей фавориткой.

НАСТЯ. Чем?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Фавориткой.

НАСТЯ. Это кто же такая будет?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Фаворитка, Анастасия Николаевна, это кухарка для развлечения.

НАСТЯ. Мамочки мои! До какого позорного состояния хотят незамужнюю женщину довести. А, может быть, он, Иван Иванович, как в "Кровавой королеве-страдалице"?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Что в "Кровавой королеве-страдалице"?

НАСТЯ. Там рассказывается, как один очень интеллигентный милорд похищает неизвестную барышню от низкой ступени класса и женится на ней в католической церкви по причине горячей любви.

ИВАН ИВАНОВИЧ. В коммунистическом государстве, Анастасия Николаевна, любви нету, а исключительно только одна проблема пола. И зачем же такой человек, как Олимп Валерианович, будет на вас жениться, когда у него от денег отбою нету? И я тоже хорош - думал перед Олимпом Валериановичем Павла Сергеевича на паразитический элемент разложить, а получается так, что это одна шайка.

НАСТЯ. Как же я теперь, Иван Иванович, буду?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как же нам быть, Анастасия Николаевна! Вы женщина падшая.

НАСТЯ. Иван Иванович, вы человек образованный, пособиите. *ИВАН ИВАНОВИЧ встает на колени и целует у НАСТИ руку.*

ИВАН ИВАНОВИЧ. Не тебе поклоняюсь, а страданию твоему. Прощайте, Анастасия Николаевна, а я побежал.

НАСТЯ. Иван Иванович, я с вами!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Как же вы, Анастасия Николаевна, в таком виде пойдете? Любой гражданин может любому милиционеру пожаловаться, что вы на общественной улице какую-то семейную баню устраиваете.

НАСТЯ. Иван Иванович, не отвергайте мольбы! Оставайтесь со мною здесь! Защитите!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Здесь? Да что вы, Анастасия Николаевна. Если Олимп Валерианович нас в подобной интимной обстановке застанет, он вместо подъемной машины меня с лестницы может спустить. Стойте! Тише! Идут. Спрячьте меня, Анастасия Николаевна, спрячьте! Спустит он меня, честное слово, спустит.

НАСТЯ. Защитите меня, Иван Иванович, защитите!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Лезьте за эту штуку, лезьте за эту штуку! Ставит экран. НАСТЯ и ИВАН ИВАНОВИЧ плячутся за ним. Хоть голову, хоть голову мне простыней закройте, может быть не узнают.

явление 17-ое

Входят ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ, ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ и АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Вы уверены, платье просохло?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Просохло, Олимп, просохло.

НАСТЯ. Не входите сюда, здесь голая барышня.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Виноват. Изволили встать, ваше высочество?

Разрешите одеть вас, ваше высочество?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Так и есть, Фавориткой сделали.

НАСТЯ. Сейчас начнется проблема.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Не угодно ли вымыться, ваше высочество?

Вот тазик.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Тазик? Конечно. Начинается.

НАСТЯ. Вы лучше убейте меня, а я на позор не пойду.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Помилуйте, ваше высочество, если вам показалось, ваше высочество, то поверьте, ваше высочество, что это невольно, ваше высочество.

НАСТЯ. Вы меня на такие интонации не поймаете, я здесь все-равно не останусь.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Неужели вы сомневаетесь, ваше высочество, в пламенной преданности и любви истинно русского человека?

НАСТЯ. Любви, ах, неправда.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Клянусь вам, ваше высочество.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Оставайтесь у нас, ваше высочество.

НАСТЯ. А вдруг кто-нибудь догадается, на каком я здесь положении? Ах, нет, я лучше уеду.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Мы вас умоляем, ваше высочество, оставайтесь у нас, перемените фамилию, и я ручаюсь вам, ваше высочество...

НАСТЯ. Вы это трепетесь или всерьез?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Ей-Богу, ваше высочество.

НАСТЯ. Что я вам, Иван Иванович, говорила - точь в точь, как в "Кровавой королеве-страдалице". Милый мой, я согласна, только зачем вы зовете меня ваше высочество?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Не бойтесь, ваше высочество, никто не услышит.

НАСТЯ. Но когда мы поженимся, вы будете звать меня Настей?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Как, поженимся?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Автоном, воды, воды!

ИВАН ИВАНОВИЧ. Слышите, он отрекается.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папа, меня тошнит.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Слышите, отрекается.

НАСТЯ. Послушайте, у вас нету ни капельки сердца. Зачем вы мне только что предложили переменить фамилию и сказали, что вы меня любите?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Отвечай, Валериан, отвечай же!

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Дядюшка, я не могу, у меня кружится, я икаю.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Олимушка, что же ты? А?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Сейчас. Мог ли он мечтать о таком счастье, ваше высочество?

НАСТЯ. Стало быть, он согласен?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Караул! Горшок раздавили.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что-с, ваше высочество?

НАСТЯ. Нет, это я просто между собой разговариваю, а если вам показалось, что у меня голос переменялся, так это я так, просипла.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну что же ты, Олимп, спрашивай, спрашивай!

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папочка, спрашивай!

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Когда же вам будет угодно, ваше высочество?

НАСТЯ. Что угодно?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Если вы не забыли, ваше высочество... сочетаться.

НАСТЯ. Ах, сейчас.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Они вас обманут, Анастасия Николаевна, ей-Богу, обманут. И потом, как же я отсюда выберусь, как же я отсюда выберусь?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папочка, посмотрите, какая у нее нога.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Да, Валериан, сразу видна порода.

НАСТЯ. Послушайте, закройте на минутку глаза, я только пройду в ту комнату.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Закрывайте, господа, закрывайте!

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Закрыты, ваше высочество.

НАСТЯ. Теперь, Иван Иванович, бегите, только тише, вот так, на цыпочках.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Засыпался.

НАСТЯ. Что?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Засыпался я, Анастасия Николаевна, сюда кто-то идет.

НАСТЯ. Это я просипла, господа, не обращайтесь внимания. Прячьтесь куда-нибудь, прячьтесь куда-нибудь, я вас после оттуда выведу.

Явление 18-ое

Те же без ИВАНА ИВАНОВИЧА.

НАСТЯ. Позвольте мне мой туалет.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Пожалуйста, ваше высочество.

НАСТЯ. Сейчас я буду готова. *Уходит.*

Явление 19-ое

Вбегает АНАТОЛИЙ.

АНАТОЛИЙ. Папа, кареты подъехали.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Анатолий, закрой глаза.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Какие кареты?

АНАТОЛИЙ. В которых Валериан будет жениться на Варваре Сергеевне.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как на Варваре Сергеевне?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Боже мой, они наверное скоро приедут.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Забыл. Совершенно забыл. Как же нам быть, Валериан? А?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Папочка, я не знаю, у меня кружится.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Автоном, это ты? Ты?

АНАТОЛИЙ. Я, папочка, вовсе не он, я - я.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ах, ты - ты? А где же ты, Автоном?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот он.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ты, Автоном, уж пожалуйста как-нибудь эдак дипломатичнее предупреди их, что свадьбы не будет.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Дипломатичнее? Постараюсь, Олимп, постараюсь. Но подумай, Олимп, какое невероятное происшествие - эта женщина в данный момент олицетворяет собой всю Россию, а он на ней женится.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Дэ, Автоном. Он, если можно так выразиться, стал супругом всея Руси. Какая ответственность.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. И какое приданое.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Ой!

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Прости меня, Анатолий.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Это странно, дядюшка: по уху вы по моему съездили, а прощенья у Анатолия просите.

Явление 20-ое

Входит АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА (НАСТЯ)

НАСТЯ. Вот я, господа, и оделася и обулася.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ваше высочество, кареты уже готовы.

НАСТЯ. Едемте, едемте. НАСТЯ, ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ и ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ уходят.

Явление 21-ое

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Итак, Анатолий, ты становишься братом ее императорского высочества.

АНАТОЛИЙ. Ах, дядюшка, если бы мама была жива, вот бы она обрадовалась.

Явление 22-ое

Входит АГАФАНГЕЛ с клеем.

АГАФАНГЕЛ. Вот вам клей, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Клей? Зачем клей? Ах, да. Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Я, дядюшка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Сейчас мы с тобой вот эту картинку на толстый картон наклеим.

АНАТОЛИЙ. Это, дядюшка, дядя той женщиной, которая была в сундуке?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Да, Анатолий. Самодержец России.

АНАТОЛИЙ. Для чего же он может теперь пригодиться?

АГАФАНГЕЛ. Для утреннего кофия, Анатолий Олимпович.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Для кофия? Для душ. Что такое народ без царя? Беспризорный ребенок. Все в природе имеет царя. Ну вот, скажем к примеру, птица, какой-нибудь там воробей или утка, так и те над собою царя имеют. Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Я, дядюшка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Кто царь птиц?

АНАТОЛИЙ. Орел, дядюшка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Агафангел.

АГАФАНГЕЛ. Я, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Кто царь зверей?

АГАФАНГЕЛ. Свинья, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Свинья? Как свинья? Почему свинья?

АГАФАНГЕЛ. Потому что она сильная, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Чем же это свинья сильна?

АГАФАНГЕЛ. Пятачком, ваше превосходительство.

АНАТОЛИЙ. Дядюшка, я великого князя уже намазал, на что же его наклеивать?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Агафангел, походи отыщи картон. А потом не забудь заглянуть в уборную, нету ли там кого. А то вдруг это там княжна какого-нибудь близкого родственника увидит.

АГАФАНГЕЛ уходит.

Явление 23-ье

АНАТОЛИЙ. Куда мне его положить, дядюшка?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Пока положи на стул. *АНАТОЛИЙ кладет портрет Николая Николаевича на стул кверху клеем.*

Явление 24-ое

Входят НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА в подвешенном платье и ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ с портретом.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вот мы к вам, слава Богу, и переехали, Автоном Сигизмундович.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот незадача! Как же мне им всего дипломатичнее отказать?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Автоном Сигизмундович, вот мои дети.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Мне вас искренне жаль, Надежда Петровна, но я в этом ей-Богу не виноват.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что-с?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Как же им скажу?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А где же жених, Автоном Сигизмундович?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Мамаша, не говорите такие слова, мне совестно.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Я с вами солидарен, сударыня, лучше об этом не говорить.

АНАТОЛИЙ. Если вы про моего брата говорите, то он с папой поехал венчаться.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Святители! Мы здесь о всякой ерунде разговариваем, а они нас давно уже в церкви дожидаются. Павел, поупри Варваре нос. Едемте, Автоном Сигизмундович, едемте!

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Видите ли, Надежда Петровна, я вам должен сказать...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Господи, позабыла. Одну минуту, Автоном Сигизмундович. Варька, становись на колени.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Но мы...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варька, не задерживай. Сейчас я буду готова, Автоном Сигизмундович. *ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА встает на колени.*

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА начинает вить. ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИС пудрит ВАРВАРЕ СЕРГЕЕВНЕ нос.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Вы пожалуйста, маменька, мне на платье не капайте. Плачьте, мамаша, на пол.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что с вами, Надежда Петровна?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Отдаю тебя я чужому отцу с матерью. Чужой отец будет тебе не батюшкой, чужая мать будет тебе не матушкой. Батюшки, матушки! *Воеет.*

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Я очень рад, Надежда Петровна, что дело принимает такой оборот. Не убивайтесь, Надежда Петровна, свадьбы не будет.

ВСЕ ГУЛЯЧКИНЫ. Как не будет?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Не беспокойтесь, Надежда Петровна, совсем не будет.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Мне кажется, маменька, меня опозорили.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как это, то-есть, совсем? Почему не будет?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Это я вам сказать не могу.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Господи, что же такое делается. Опозорили нас, так и есть опозорили. Чем же мы, господин Автоном Сигизмундович, Валериану Олимповичу не потрафили? Кажется, дочь у меня барышня кругленькая и ничем осрамиться не может. Если ему думается, что Варюшенька носом не очень вышла, то она и без носа для супружеской жизни очень приятная.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Если на него с боку смотреть, Автоном Сигизмундович, то он очень заметный, ей-Богу очень заметный.

АНАТОЛИЙ. Немножко вижу.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Причину нужно искать не в носу, Надежда Петровна, а гораздо глубже.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Глубже? У меня, Автоном Сигизмундович, и глубже...

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Верю, верю. Но поймите, Варвара Сергеевна, дело совсем не в вас.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А в ком же, Автоном Сигизмундович, в ком же? Если во мне, Автоном Сигизмундович, то я-то - мать, чепуха, гадость, Автоном Сигизмундович.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Я с вами согласен, Надежда Петровна, но только...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я бы на месте Валериана Олимповича просто бы на меня наплюнула.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вы совершенно правы, Надежда Петровна, но только причина совсем иная.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какая же такая причина, Автоном Сигизмундович?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Это, Надежда Петровна, тайна, и я вам ее объяснить не могу.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не можете? Павлушенька, ты человек отпетый, поразговаривай с ним пожалуйста.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Это вы что же, молодой человек, все наше семейство в полном ансамбле за нос водили? Почему это свадьбы не будет?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вы со мной разговаривать так не смеее.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Не смею? А если я с Третьим интернационалом на ты разговариваю, что тогда?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Пропал! Сейчас арестует.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Да вы знаете ли, что я во время Октябрьской революции в подполье работал, а вы говорите - не смеее.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Конечно, расстреляет.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я, может быть, председатель... домового комитета. Вождь!

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Простите, товарищ, но я...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Силянс! Я человек партийный.

АНАТОЛИЙ. Молчать! Я брат ее императорского высочества. *ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ садится на стул.*

Явление 25-ое

Входят СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ и его жена ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА с цветами.

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Христос воскресе, Автоном Сигизмундович.

Не обращайтесь внимания на то, что я вас целую, потому что в душе у меня как на пасхе.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Простите, что я не справляюсь о вашем здоровье, но интересы отечества прежде всего.

Явление 26-ое

Входит ИЛЬИНКИН с ЖЕНОЙ.

ИЛЬИНКИН. Господа, я вас умоляю, что Михаил Александрович - это не утка?

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Послушайте, как же можно так неприлично спрашивать.

Явление 27-ое

Входят ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ ЗАРХИН, АРИАДНА ПАВЛИНОВНА ЗАРХИНА, баряшки Зархини: ТОСЯ и СЮСЯ.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Подумайте, какие эти большевики самонадеянные. Сейчас я с мужем по улице иду, а милиционер стоит на углу и делает вид, как будто бы ничего не случилось.

Явление 28-ое

Входит НАРКИС СМАРАГДОВИЧ КРАНТИК.

НАРКИС СМАРАГДОВИЧ. Скажите, что, тринадцать на восемнадцать будет изящно?

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Какие тринадцать на восемнадцать?

НАРКИС СМАРАГДОВИЧ. Видите ли, я думал запечатлеть.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Что запечатлеть?

НАРКИС СМАРАГДОВИЧ. Ренессанс.

ИЛЬИНКИН. Какой ренессанс?

НАРКИС СМАРАГДОВИЧ. Возрождение... нашей многострадальной ма-
тушки родины. Так как это событие должно взволновать всю Рос-
сию, я и выбрал кабинетный размер: тринадцать на восемнад-
цать. *Витаскивает фотографический аппарат.*

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Степочка, это фотограф.

НАРКИС СМАРАГДОВИЧ. Наркис Смарагдович Крантик - фотограф-лю-
битель. Узнав под строжайшим секретом, что их императорское
высочество находится здесь...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как высочество? Как здесь?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Все конечно. Держите его, держите его!
Агафангел.

Явление 29-ое

Входит АГАФАНГЕЛ.

АГАФАНГЕЛ. Я здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Занимай все выходы!

АГАФАНГЕЛ встает у двери с револьвером.

ГОЛОСА. Что случилось? В чем дело? Что такое?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Господа, нас подслушали.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Кто подслушал?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот, коммунисты.

ВСЕ. Коммунисты!

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Спасайся, кто может! *Все устремляются к
выходу.*

АГАФАНГЕЛ. Стой! Застрелю!

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Караул! Нас окружили.

НАРКИС СМАРАГДОВИЧ. По-моему, этих коммунистов не больше одно-
го человека. Попробуем сами его окружить.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Заходите, господа, заходите! Окружайте
его, окружайте!

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Маменька, если они Павла убьют, это будет
определенный кошмар.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Господа, почему вы его только сзади окружаете, окружайте его и спереди. Не бойтесь, господин Ильинкин, не бойтесь, окружайте его спереди!

ВСЕ. Окружайте его, окружайте!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, я погибаю в окружении буржуазии.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Господа хорошие, не губите православного человека. Автоном Сигизмундович, он только с одной стороны коммунист, а с другой...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А с другой я даже совсем ничего подобного. *Встает и кланяется, к заду его приклеился портрет Николая Николаевича.*

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Зотик, не верь им, Зотик, не верь им, не подходи к нему близко!

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Необходимо выяснить его настоящее лицо.

ТОСЯ. Папочка, у него их два.

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Как два?

ТОСЯ. Мне, папочка, право очень неловко, но только у него какое-то лицо сзади.

ВСЕ. Где?

ТОСЯ. Вот.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ну-ка, нагнитесь, молодой человек. Боже мой! Смирно!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Маменька, чье у меня там лицо? Мое?

АНАТОЛИЙ. Нет, наше.

Явление 30-ое

Входят ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ и ГОСТИ.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Господа, приготовляйтесь, ее высочество идет.

ВСЕ. Идет.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Господа, идет.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Скажите, она уже близко?

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Близко, сударыня, близко. *Убегает.*

Явление 31-ое

ИЛЬИНКИН. Наконец капиталы вернутся к капиталистам.

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Я тебе всегда говорила, что когда-нибудь это должно кончиться.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Как же это может еще продолжаться, когда они всю страну погубили, положительно всю страну, начиная от нашей фабрики и кончая нашей кондитерской.

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Видите ли, мы с вами были эксплуататорами, а у них, видите ли, какой-то освобожденный труд. Если они весь народ без работы оставили, то это, конечно, освобожденный труд, только я не понимаю, что в нем хорошего.

ИЛЬИНКИНА. Что вы мне говорите кондитерская, когда они ложки серебряные, понимаете, ложки у меня в девятнадцатом году отобрали.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Ну, а посмотрите, что из себя представляет школа - вертеп! Мальчики учатся вместе с девочками. Допускаю, что алгебре там какой-нибудь или пению можно учиться вместе, но что касается анатомии.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Подумайте, Ариадна Павлиновна, если бы в прошлое время я изучал анатомию вместе с девочками, что бы из этого вышло.

ИЛЬИНКИНА. Что вы говорите - анатомия, когда они ложки серебряные, понимаете, ложки у меня в девятнадцатом году отобрали.

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Что школа, когда даже выйти на улицу нельзя. В мирное время всюду стояло искусство, ну вот, скажем, хотя бы памятник Скобелеву. Бывало взглянешь и чувствуешь, как глаз отдыхает, а теперь что вместо него? Простите за выражение, какой-то кукиш поставили.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Я, знаете, эту площадь всегда обхожу, так и кажется, что это они его нам показывают.

ИЛЬИНКИНА. Что вы мне говорите - кукиш, когда они ложки серебряные, понимаете, ложки у меня в девятнадцатом году отобрали.

ИЛЬИНКИН. А вы, господа, наблюдали, что они сделали с верующими? Вот возьмите хотя бы - я. У меня каждое воскресенье

бывает позыв на религию, так они вместо нашей церкви какие-то ясли устроили. Как хочешь, так и делай: или к чорту на кулички в другую церковь ходи, или совсем без религии оставайся.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Как же можно совсем без религии. Я, например, каждое воскресенье с Тосей и Сюсей читаю библию. Это так облагораживает, это так облагораживает... что вот Тосю прямо узнать нельзя.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Теперь ужасно трудно с детьми. Вот у вас, сударыня, есть дети?

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ах, что вы, я себе этого никогда не позволю.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Она, господин хороший, невеста.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Невеста? Вот опять же что сейчас из себя представляет семья? Отец холост, мать замужен, а дети сироты.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это вы правильно, какое нынче существование.

Вот прежде, действительно, была жизнь, а теперь что? Утопия.

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Ну, слава Богу, теперь она не долго продолжится.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Довольно мы терпели от революции, пусть теперь она нас потерпит.

Явление 32-ое

Входит ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ.

ГОСТЬ. Милостивые государи, они приближаются.

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Приближаются! Остановитесь, господа, остановитесь!

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Молодой человек, сейчас же вставайте на четвереньки. Лицом к двери. Вы это что же, молодой человек, оглохли? Я вам говорю, лицом к двери, да не этим лицом, а тем. Барышни, будьте любезны, разукрасьте портрет цветами.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ на четвереньках с портретом на заду. ТОСЯ и СЮСЯ убирают портрет цветами.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Белыми, Тося, разукрашивай белыми. А потом еще хорошо незабудками, все-таки символ.

ИЛЬИНКИН. Степан Степанович, вы зачем же вперед нас встали? У меня жена женщина, ей за вами не видно.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Мне кажется, что мои заслуги перед отечеством...

ИЛЬИНКИН. Какие такие у вас особенные заслуги, Степан Степанович?

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Я, сударь, ни что иное, как активный контр-революционер.

ИЛЬИНКИН. Но позвольте, что же вы сделали?

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Я, может быть, в самое опасное время одного коммуниста вместо "товарищ" господином назвал. А вы что сделали?

ИЛЬИНКИНА. Петечка, пусть уж его впереди стоит, как его знает, может, это правда.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Спасите, закололи.

ВСЕ. Что случилось?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Маменька, они у меня вам какую-то подушку для булавок устроили.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Барышни, если вам будет не трудно, вы лучше не к телу, а к штанам прикалывайте. Пусть уж штаны гибнут.

АГАФАНГЕЛ. Ваше превосходительство, едут.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Значит, как только войдут - ура!

Явление 33-ье

Входят ШАРМАНЩИК, БАРАБАНЩИК и ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ.

ВСЕ. Ура!

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что за чорт? Вы кто такие будете?

ШАРМАНЩИК. Гости мы, господин хороший, гости.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Чьи гости?

БАРАБАНЩИК. Ваши гости, господин хороший, ваши.

ШАРМАНЩИК. Нас Олимп Валерианович на свадьбу изволили пригласить, вот мы, стало быть, к вам и явились.

АНАТОЛИЙ. Это наверное музыка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Скажите, вы знаете музыку, которую при дворах играют?

ЖЕНЩИНА С ПОПУГАЕМ. Как же нам не знать, господин хороший, когда мы всю жизнь при дворах играем.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. В таком случае, встаньте сюда.
 ТОСЯ. Mamочка, посмотри, какой замечательный символ получился.
 АГАФАНГЕЛ. Ваше превосходительство, приближаются.
 АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Внимание, господа, внимание. Больше радости, господа, больше радости.
 ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Павлушенька, улыбайся!
 НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Павлушенька, когда она мимо тебя пройдет, не забудь пожалуйста, попроси у нее, чтобы нам гастрономический магазин отдали.
 ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я, маменька, с этой стороны просить не могу, просите уж лучше вы.
 АГАФАНГЕЛ. Ее императорское высочество.
 АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. На караул! Смирно! Музыка, гимн!

Явление 34-ое

Входят НАСТЯ, ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ, ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ и ОТЕЦ ПАВСИКАХИЙ.

ВСЕ. Уррааа!
 ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Не вешайте меня, ваше высочество, ради Бога, не вешайте!
 НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Помилуйте его, ваше высочество, он по глупости, ей-Богу, по глупости.
 НАСТЯ. Вы зачем меня за подол хватаете? Батюшки, барыня.
 НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Боже мой, Настька.
 ВСЕ. Урррааа!
 ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Mamаша, махайте на меня чем-нибудь, или я тут же при всех скончаюсь.
 ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Господа. Сегодня ее императорское высочество все милостиво соизволили все милостиво обвенчаться с сыном моим Валерианом Олимповичем.
 ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Ой!
 ВСЕ. Урррааа!
 ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Милостивые государи, я плачу.
 ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я тоже.
 НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варька, молчи!

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Милостивые государыни и милостивые государи. Ее императорское высочество благодарит вас за радушный прием. Милостивые государыни и милостивые государи...

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ваше императорское высочество...

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Олимп, помолчи немного, я сейчас кончу.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Я семь лет молчал. Я не могу молчать. Семь лет, ваше императорское высочество, семь лет дожидались мы этого дня, и мы дождались его, ваше высочество.

ОТЕЦ ПАВСИКАХИЙ. Православные христиане, многая лета.

ВСЕ. Многая лета, многая лета.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что вы играете, что вы играете?

ШАРМАНЩИК. Виноват, регистр соскакивает.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ваше императорское высочество, что такое есть русская интеллигенция? Русская интеллигенция это ангел, это невидимый ангел, который парит над Россией. Позвольте же мне, ваше императорское высочество, сказать несколько слов от лица этого ангела.

НАСТЯ. Валяйте.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Семь лет, ваше императорское высочество, семь лет наши головы обливали помоями... семь лет, и каких лет, таких лет, в которых каждый год можно считать за десятилетие, что я говорю - за десятилетие, в которых каждый год можно считать за век. Семьсот лет, ваше императорское высочество, наши головы обливали помоями.

ВСЕ. Bravo, bravo.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. И даже тогда, когда белое воинство смешивалось кровью своих сыновей с драгоценной кровью истерзанной родины, даже тогда наши головы обливали помоями, даже тогда нас обвиняли в насильничестве, нас обвиняли в хищничестве, нас обвиняли в расстрелях. Но вот я встаю перед лицом всей России и я смотрю ей прямо в глаза, и я говорю, нет, я кричу ей: "Где же он, тот человек, которого мы расстреляли? Пусть он выйдет и скажет. Но он никогда не выйдет, потому что его нет!"

ВСЕ. Bravo, bravo.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ваше императорское высочество, вот я обнажаю свое сердце и стою перед вами совсем обнаженным.

СЮСЯ. Папочка, опусти голову, мне не видно.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. И я говорю: "да". Да, ваше императорское высочество. Да, мы любили народ. И о, ваше императорское высочество, о, как мы его любили. Вот я, например, я всю жизнь посвятил трудовому народу. У меня была фабрика и на ней пятьсот человек народу. И я любил этот народ. И его отняли от меня, и я готов умереть за него, потому что я не могу без народа. Ваше императорское высочество, отдайте нам наш народ.

ВСЕ. Отдайте нам наш народ.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Да, ваше императорское высочество, мы любили народ, мы любили землю. А разве они могут любить, откуда они могут любить их, когда у них никогда ни земли, ни народа не было! А у меня, ваше высочество, была земля. Много земли, триста сорок одна десятая одной земли, и ее отняли у меня, ее, кормилицу, мать, маму.

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Ваше императорское высочество, отдайте нам нашу маму.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Но больше всего мы любили Россию. Что же мы видим - ее нет. Ее подменили, ее выдернули из-под наших ног, и вот мы повисли в воздухе, ваше высочество. Я вишу в воздухе, я теперь человек без веса. Да, ваше высочество, мы лишились веса и все мы повисли в воздухе, а под нами на тысячи и тысячи верст нет никакой России... ничего. Как же нам быть, если мы оборвемся, ваше высочество? Нам даже некуда падать. Но я верил, я всегда верил, ваше высочество, что появится новый Колумб и откроет Россию. И он появился, этот Колумб, и этот Колумб - вы. Волны еще бушуют, но корабль на верном пути, и мы уже слышим с высокой мачты радостный крик "земля". Триста сорок одна десятая. Земля.

ОТЕЦ ПАВСИКАХИЙ. Православные христиане, спасайте родную землю!

ВСЕ. Спасем землю. Спасем.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Музыка, туш. Ура!

ВСЕ. Урррааа!

НАСТЯ. Вот это свадьба, я понимаю.

ВСЕ. Урраа! *Когда "ура" замолкает, слышен чей-то протяжный крик.*

ГОЛОСА. Вы слышали? Кто это такое? Что это такое?

НАСТЯ. Батюшки, это наверное Иван Иванович со страха в соседней комнате надрывается.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Господа, возможно, что это ликует народ.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Неужели народ узнал...

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Конечно, узнал. Зачем же он стал бы кричать ура?

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. А вы уверены, что это было "ура"?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Я ясно слышал.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Значит, народ с нами. Ура!

ВСЕ. Урраа!

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Теперь слушайте.

ГОЛОС ИВАНА ИВАНОВИЧА. Караул!

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Вы слышали?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Нет. А вы?

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Тоже нет.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Попробуем лучше еще раз.

ВСЕ. Урррааа!

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Слушайте.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Народ безмолвствует.

НАСТЯ. Не дай Бог опять закричит.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Женщины и мужчины, и даже дети, обратите внимание, какой перед вами ужасный герой.

ГОЛОСА. Что случилось? В чем дело? Что такое?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Женщины и мужчины, и даже дети, эта дамочка метит на русский престол. Но она взойдет на него только через мой отрешенный от жизни труп. Я заявляю вам это совершенно официально.

ГОЛОСА. Что он говорит? Он сумасшедший? Ваше высочество, он сумасшедший.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Товарищи. За что мы боролись, за что мы падали жертвами на красных полях сражения, мы - рабочие от сохи и председатели домового комитета. Женщины и мужчины, и даже дети, я отказываюсь, я совершенно героически отказываюсь присягать этому строю генералов, попов и помещиков.

ГОЛОСА. Не давайте ему говорить! Заставьте его замолчать!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Товарищи. Нас никто не заставит молчать об этом. Мы всегда, как один человек, только и будем, что гово-

речь о генералах, полах и помещиках, потому что в этом наша идея, наша святая идея фикс. Женщины и мужчины, и даже дети, вам не удастся задуть революцию, пока существуем мы... я и моя мамаша. Вы не думайте, что я только ее не боюсь. Ничего подобного. Давайте поедимте в Англию, я и английской королевы не испугаюсь. И любому царю могу прочесть нотацию. Вы думаете, если она далеко, так она уберется от этого? Я, товарищи, расстоянием не стесняюсь. Я сейчас всем царям скажу, всем, английскому, итальянскому, турецкому и французскому. Цари, мамаша, что сейчас будет... цари... вы... мерзавцы.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Господа, это заговор. Его необходимо арестовать.

ГОЛОСА. Арестуйте его! Арестуйте!

НАСТЯ. Не троньте его, он выпивши.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Ваше слово - закон для меня, ваше высочество, но...

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Выпивши? Кто выпивши? Я выпивши? Я могу на любого человека дыхнуть, и безо всякого запаха. В том-то и дело, товарищи, что я совершенно трезвый. В том-то и дело, что я трезвый на это способен. И я прошу зафиксировать эти слова, которые я буду сейчас говорить, потому что за эти слова я могу получить повышение в жизни. Ваше императорское высочество, вы... сукина дочка.

ВСЕ. Ааах.

НАСТЯ. От такого же слышу.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Солдаты.

АГАФАНГЕЛ. Я здесь, ваше превосходительство.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Возьмите его!

ГОЛОСА. Хватайте его, вяжите!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Товарищи. Это кухарка, ей-Богу, кухарка.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Господа хорошие, кухарка она, честное слово кухарка.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Это Настька кухарка.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ, НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Кухарка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Многоуважаемые товарищи, это наша кухарка.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Молчать!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Честное слово, кухарка. Она мне носки стира-
ла и даже котлеты жарила, ей-Богу.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Нет никакого сомнения, он сумасшедший.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Господа вы мои хорошие, вот перед Богом,
жарила. Настька, паскуда, отвечай твоей барыне, жарила ты или
нет?

НАСТЯ. Определенно.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Слышите, слышите, господа хорошие? Созна-
лась, вот как перед Богом созналась.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ваше высочество...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какая она ваше высочество, она Пупкина. У
меня даже пачпорт ее имеется. Пупкина, Анастасия Николаевна
Пупкина.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как Пупкина?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Так Пупкина, из Поветкина Тульской губернии.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Ваше императорское высочество, как это
Пупкина?

НАСТЯ. Очень обыкновенно.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Пупкина?

НАСТЯ. Пупкина.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. А дядя?

НАСТЯ. Что дядя?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Есть у вас дядя?

НАСТЯ. Есть.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Князь?

НАСТЯ. Что мы, татары что ли?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Кто же он?

НАСТЯ. Псаломщик.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Держите меня, держите! Господа, я чувст-
вую, что я опять поднимаюсь на воздух.

ЗОТИК ФРАНЦЕВИЧ. Все, все погибло.

НАРКИС СМАРАГДОВИЧ. Ренессанс кончился.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Значит, опять ничего нет, ни ее, ни меня,
ни вас?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Товарищи, это действительно, что ничего нет.
Но слова мои остались, героизм-то, товарищи, мой остался.
Ведь то, что я российскую престолонаследницу сукиной дочкой

назвал, ведь это-то вычеркнуть невозможно. Вы понимаете ли, до какого я теперь апогея могу дойти. Ведь за эти слова меня, может быть, в Кремль без доклада будут пускать, ведь за эти слова санатории имени Павла Гулячкина выстроят. Вы думаете, товарищи, если у меня гастрономический магазин отняли и вывеску сняли, то меня уничтожили этим? Нет, товарищи, я теперь новую вывеску вывешу и буду под ней торговать всем, что есть дорогого на свете. Всем торговать буду, всем.

ГОЛОСА. Товарищ Гулячкин, не погубите. Это он во всем виноват. Он.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Что, голубчики, испугались? Вы думаете, если вы у меня вместо зада какую-то картинную галерею устроили, то я вам за это спасибо скажу? Вы думаете, если вы человеку лицо наизнанку вывернули, то я молчать буду? Нет, голубчики, нет. Всех уничтожу, всех.

ГОЛОСА. Не губите! Помилуйте! Ни за что погибаем.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Силянс. Да вы знаете ли, на что я способен? Я когда до идеи дойду, я на все способен. Я в приданое ради идеи пошел. Я теперь всю Россию на Варваре женю. Варька, иди выбирай любого.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Варенька, выбирай.

ГОЛОСА. Меня. Вот меня выбирайте! Вот меня.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Я хочу, чтоб в пенсне и страстный.

ФЕЛИЦАТА ГОРДЕЕВНА. Мужа моего. Мужа выбирайте!

ТОСЯ. Папу.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как же так, господа? Господа, я сам видел, своими глазами видел. Вот здесь, вот на этом месте. Наша горячо любимая родина, наша сермяжная матушка Русь восстала, как феникс из сундука.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Из какого из сундука?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Автоном, Анатолий, принесите сюда сундук.

Они приносят сундук. Господа, вот так стоял я.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот так я.

ВАЛЕРИАН ОЛИМПОВИЧ. Вот так, господа, я с булочкой.

АНАТОЛИЙ. А я с кактусом.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вот так я отбил замок.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. И вот так предстала Россия.

ИВАН ИВАНОВИЧ *с горшком на голове появляется из сундука.* Все слышал, все знаю. *Все с криком разбегаются.* Товарищи, соблюдайте спокойствие и не расходитесь, потому что вас всех повесят.

ГОЛОСА. Спасите, Павел Сергеевич, спасите! Павел Сергеевич, скажите ему! Павел Сергеевич. Павел Сергеевич.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Милиция, милиция, милиция.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Простите, товарищ, при чем тут милиция?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Сейчас ей будет доложено.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что доложено?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Что вы у себя на квартире, вот в этой столовой комнате, свергли советскую власть.

НАСТЯ. Ванечка, брось трепаться.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Вам показалось, товарищ, честное слово.

Это неправда. У нас есть свидетель. Вот коммунист.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Где коммунист?

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Вот, Павел Сергеевич.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Павел Сергеевич? Так знайте же, граждане, что Павел Сергеевич лжедимитрий и самозванец, а вовсе не коммунист.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Кто лжедимитрий? Я лжедимитрий? Я? Товарищи, я народный трибун. У меня мозоли. Поглядите, какие у меня на руках мозоли. Но это еще не все. Вот какие у меня на ногах

ИВАН ИВАНОВИЧ. Врете!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я докажу.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Чем?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. А вот позовите сюда Чичерина и спросите его, коммунист я, товарищи, или нет?

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Вы напрасно рискуете, гражданин, у него мандат.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Где мандат?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Вот. *Внимает из портфеля.*

ИВАН ИВАНОВИЧ *хватает бумагу.* Теперь вы мне, граждане, все попались.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Держите его, держите! Куда вы? Куда вы?

ИВАН ИВАНОВИЧ. В милицию, граждане, в милицию. *Убегает.*

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Спасите, спасите!

ВСЕ. Спасите! Спасите!

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Погиб, повесят меня, повесят.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как повесят? Разве вас можно вешать, товарищ?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Православные христиане, ведь мандат-то я сам себе написал.

ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА. Кланяйтесь маме, я умираю.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Сам? Как сам? Но вы все-таки коммунист?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Нет, товарищи, я вообще.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как вообще?

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Я, товарищи, вообще такой разносторонний человек.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Конечно, все погибло. Все люди не настоящие. Она не настоящая, он не настоящий. Может быть, и мы не настоящие.

АВТОНОМ СИГИЗМУНДОВИЧ. Что люди, когда даже мандаты не настоящие.

АРИАДНА ПАВЛИНОВНА. Товарищи, меня нельзя арестовать, у меня дети. Вот, Тося и Сюся, крошки.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ. Все мы, граждане, крошки.

ОТЕЦ ПАВСИКАХИЙ. Я почти что партийный, потому что Христос был коммунист.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, скажите, что я дурак, скажите им, что я глупый. Дураков, мамаша, должно быть не вешают.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не поверят они, Павлушенька, не поверят.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Поверят, маменька, ей-Богу, поверят.

ГОЛОСА. Идут. Господи. Боже мой, умираем. Погибли. До отказа погибли.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Сестры и братья, пострадаем за правду.

ВАЛЕРИАН ОЛИМPOВИЧ. Папа, меня тошнит.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Как первые христиане.

Пауза.

Явление 35-ое

Входит ИВАН ИВАНОВИЧ, садится на стул и рыдает.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что? Что?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Отказываются.

ОЛИМП ВАЛЕРИАНОВИЧ. Что отказываются?

ИВАН ИВАНОВИЧ. Арестовать вас отказываются.

Пауза.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Mamаша, если нас даже арестовать не хотят,
то чем же нам жить, мамаша, - чем же нам жить?

ЗАНАВЕС